

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ
КОНВОЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИКА ЛАМБЕРТА
НАЕМНИКА С ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Тени войны

Алекс Орлов

Конвой

«Автор»

2002

Орлов А.

Конвой / А. Орлов — «Автор», 2002 — (Тени войны)

Некоронованный король Бронтзее и пустынного Орфея, толстосум Эдгар Хубер задумывает повернуть аферу с продажей танков – загрузить в контейнеры звездолета металлический мусор и спровоцировать «уничтожение дорогостоящего груза» после нападения пиратов. Для этой затеи ему нужна команда судна-тягача, которую было бы не жалко. Капитан Генри Аткинс раскрывает замысел своего босса и решает сбежать, подставив вместо себя выпускника летного училища Ника Ламберта. Вначале тот безмерно рад возможности получить столь важную работу, но вскоре начинает понимать, во что ввязался.

© Орлов А., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	38
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	47
Глава 17	49
Глава 18	51
Глава 19	52
Глава 20	55
Глава 21	58
Глава 22	60
Глава 23	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алекс Орлов

Конвой

Глава 1

На Карвэйн-Холл спустились сумерки. В этих широтах они приносили быструю прохладу, и надсадно гудевшие кондиционерные станции получали наконец перерыв, чтобы собраться с силами для следующего, такого же долгого дня.

Слуга-фонтиец открыл дверь на широкую террасу и, вдохнув принесенные ветром травяные ароматы, вернулся к своей работе. Через несколько минут на этой террасе предстояло накрыть стол для гостей хозяина, а потому требовалось быстро навести здесь порядок – собрать вакууматором пыль, осевшую на каменный пол за весь день.

Работа была уже почти сделана, когда на террасу выглянула Софи, ведавшая сервировкой. Она не была уроженкой Фонта, однако хорошо относилась к слугам-аборигенам, и они платили ей той же монетой.

– Как дела, Банга? Мы можем выносить столы?

– Да, мисс Софи! – во весь рот улыбнулся Банга. – Я уже закончил.

Софи тотчас умчалась, а вместо нее на террасе появился начальник службы безопасности хозяина, Хосе Диас. Увидев его высокую фигуру, Банга моментально пригнулся к самому полу и стал торопливо заканчивать работу. Он очень боялся Хосе; впрочем, его в Карвэйн-Холле боялись все слуги, хотя никто не мог припомнить, чтобы мистер Диас кого-то обидел.

Да этого и не требовалось. По одним только интонациям, звучащим в голосе главного секьюрити, можно было понять, что Хосе каждого человека воспринимает как потенциальную жертву. Так ведет себя охотник в первобытном лесу, готовый стрелять в первую попавшуюся ему на глаза дичь.

Наконец жужжание вакууматора прекратилось, и Банга, подхватив прибор, собрался было выскользнуть в гостиную, но пришлось задержаться: Хосе задал вопрос, один из тех, которые он задавал всем слугам.

– Ну что? – произнес он, глядя на слугу сквозь черные очки.

– Ни-ничего, мистер Диас, – промямлил Банга, напрягаясь, словно в ожидании удара.

– Все сделал? – одними губами спросил Хосе.

– Да, мистер Диас... – ответил Банга, замерев на месте, будто опасался, что главный секьюрити его проглотит. Однако тот не проглотил Бангу, а, выждав паузу и насладившись страхом фонтийца, сказал:

– Ну, иди.

– Спасибо, мистер Диас.

Слуга низко поклонился этому страшному господину и выскочил вон. Бегом добравшись до лестницы, он встретился с Софи и еще десятком слуг, тащившими приготовленную для террасы мебель.

– Там мистер Диас, Софи, – страшным шепотом произнес Банга.

– Ну и что из того? – улыбнулась ему Софи, однако внутренне вся подобралась. – Ничего страшного, Банга, нас же много...

И она кивнула на следующую за ней группу слуг. На самом же деле она боялась. Очень боялась.

Позади суетились слуги, расставляя мебель и расстилая принесенные скатерти. Они тихо между собой переговаривались, делая вид, что не замечают Хосе, однако тот чувствовал их трепет.

Впрочем, сейчас у начальника службы безопасности были другие дела, поскольку у его босса ожидалась вечеринка с большими людьми.

Под вечеринкой понималось очередное совещание деловых партнеров, которые собирались вместе не реже одного раза в год. Иногда и чаще, если того требовали обстоятельства.

Вот и в этот раз встречу решили провести всего через пять месяцев после подобного съезда на Бронтзее, где принимавшей стороной был Эдгар Хубер, некоронованный король Бронтзее и пустынного Орфея. Как полагал Хосе, для внеплановой встречи были какие-то чрезвычайные причины, однако в их суть он старался не вникать: пять лет назад его предшественник – Гуго Мартинес – развил бурную деятельность и был убит выстрелом в затылок, когда принимал секретное сообщение от «неизвестного абонента».

Если большие люди решили встретиться, его – Хосе Диаса – задача заключалась в том, чтобы ничто не нарушало их уединения. А уж тем более не угрожало их жизни.

– Доменик, как у тебя дела? – тихо спросил Хосе, слегка придавив пальцем прикрепленный возле воротника микрофон.

Доменик был его заместителем и сейчас находился внизу, в лесном массиве, который играл роль зоны отдыха. Хозяин очень любил лес и отказывался уничтожать его даже для нужд безопасности. Поэтому приходилось осматривать там каждую травинку.

– Все в порядке, сэр. Территория отсканирована заново, к тому же я оставлю здесь сорок человек.

– Хорошо, Доменик. Кто у нас на крыше?

– Люди Ткачука и Бо Сикорски со своей группой.

– Порядок. До связи.

– До связи, сэр.

Закончив разговор, Диас медленно повернулся и пошел между слуг, заставляя их сторониться и шептать что-то вроде: «Извините-извините».

Возле самой двери в гостиную Диас остановился и, покосившись на Софи, спросил:

– Как дела, кошечка?

– Все в порядке, мистер Диас, – стараясь держаться независимо, ответила Софи.

– Ну-ну, кошечка, – как всегда неопределенно ответил шеф безопасности и вышел, вызвав у работавших на террасе слуг дружный вздох облегчения.

Глава 2

В семь пятнадцать вечера, точно по согласованному расписанию, пассажирская яхта класса «фламинго» показалась на экранах радаров станции Карвэйн-Холла.

– Прошу прощения, сэр, яхта мистера Хубера, – сообщил дежурный по персональному каналу хозяина.

– О'кей, ребята, примите его по первому классу, – распорядился хозяин.

– Слушаюсь, сэр, – ответил дежурный и приступил к диспетчерскому сопровождению.

Спустя сорок минут судно весом в полторы тысячи тонн зависло над посадочным терминалом. Включилась приемная гравитационная подушка, от перегрузки во всех помещениях Карвэйн-Холла мигнуло электричество.

Затем яхта коснулась площадки, и рев ее двигателей пошел на убыль. Тем временем в небе уже двигались светящиеся точки следующих судов, которые дежурный поочередно заводил на посадочные терминалы.

Диас, как и положено секьюрити его ранга, оказался рядом с яхтой прежде механиков. От обшивки еще исходил жар, а воздух вокруг был наэлектризован так, что пощипывало язык, однако шеф безопасности терпеливо ждал, зная, что в данный момент его персону идентифицируют по сотням параметров.

Наконец послышался негромкий скрежет, и в боку яхты прорезалась дверь. С громким шипением разложился трап, по нему бодро сбежал главный телохранитель мистера Хубера – Кристофер Шаддок.

– Привет, Хосе, – произнес он, и они обменялись рукопожатиями.

– Привет, Крис, – ответил Диас и снял темные очки.

Шаддок долго не отпускал его руку и вглядывался в лицо, и это вовсе не было проявлением симпатии. Таким образом проводилась окончательная проверка, чтобы определить, кто перед тобой – друг или его искусная имитация.

– Ну? – коротко спросил Диас.

– Порядок, – кивнул Шаддок и отпустил руку своего коллеги.

И тут же ступеньки трапа озарил яркий свет, и по нему стали сбегать члены команды Эдгара Хубера.

Им навстречу двинулись встречающие лица. Они безошибочно находили своих коллег, с которыми обычно обсуждали специфические вопросы и согласовывали действия двух боссов.

Наконец на ступеньках появился сам Эдгар Хубер. И тотчас ему навстречу шагнул Филипп Леконт, хозяин Карвэйн-Холла.

Деловые партнеры обнялись и обменялись остротами. Леконт, в частности, отметил, что Хубер, как всегда, прибыл «на своем танкере». На что гость, разведя руками, пожаловался, что теперь перепуган до конца жизни.

Леконт понимал, о чем говорил Хубер. Пару лет назад враги устроили ему засаду на таком же совещании. Спасло только то, что в недрах яхты Хубера имелся спасательный катер, в котором Эдгар и эвакуировался вместе со своей командой. Для охотников это оказалось полной неожиданностью, и они упустили свою уже пойманную добычу.

С тех пор мистер Хубер приземлялся только на космическом судне, невзирая на неудобства и высокую стоимость путешествий в атмосфере.

Два других гостя мистера Леконта засад не боялись и спустились на посадочные площадки в небольших лоцманских уиндерах, одинаково хорошо ходивших в космосе и в атмосфере. Их посадка не вызвала перегрузок в электрической сети Карвэйн-Холла, и вскоре все четверо партнеров собрались на первом этаже главного здания, чтобы выкурить по сигаре и прийти в себя после длинной дороги.

Тем временем на террасе заканчивались последние приготовления, а на кухне в серебряных судках ожидали своей очереди три перемены блюд. Песчаные пустоши, начинавшиеся сразу за лесом, прочесывались уже в пятый раз, а беспилотные аппараты кружили на высоте полукилометра, продолжая старательно сканировать вверенную им территорию даже в сгущавшихся сумерках.

– Как там база? – на правах хозяина и для поддержания разговора задал вопрос Леконт.

– База на месте, – отозвался генерал Роммель, уполномоченный Генерального штаба.

Он был начальным звеном в деятельности всей группы, и именно для решения его проблем собралась на внеочередную встречу вся компания.

– Говорят, у вас открыли даже океанский бассейн с волнами и пляжем? – вступил в разговор Хубер.

– Да, – невесело кивнул Роммель. – Только станция – она и есть станция, пусть даже такая огромная, как Жи-Тауэр. Это всего лишь огромная казарма...

– Но у вас же там есть бордель. И, кажется, не один, – напомнил четвертый гость, Джулиано Манкуццо, суперпосредник, располагавший таким набором связей, что был вынужден свести их в огромный каталог.

– Ну и что? Океанский бассейн и бордель – это еще не все, господа, – безрадостным голосом произнес генерал, затем поманил пальцем слугу. – Принеси мне водки, парень, а эту бурду заberi, – сказал он, едва не швырнув на поднос лакея стакан с «ниагарой».

– Слушаюсь, сэр, – поклонился тот и быстро выскользнул из гостиной, а его место тотчас занял другой слуга.

Леконт, Хубер и Манкуццо обменялись взглядами. Подобное настроение одного из партнеров было опасным для всего картеля.

– Послушайте меня, Франсиско, – выбрав одну из самых задушевных интонаций, произнес Эдгар Хубер и, подхватив у барной стойки неудобный стул, поставил его рядом с креслом генерала. – Послушайте, дружище, – еще раз произнес Хубер, невольно вспоминая те времена, когда он еще зарабатывал себе на жизнь психоанализом. – То, что там у вас произошло, это еще не конец, понимаете? Ну подумай, сорока тысяч танков не хватает, может быть, их просто продали...

– Но их же не продали. Они должны оставаться на складских площадках, а их там нет. – В глазах Роммеля светились злость и упрямство.

Заметив это, Хубер подумал, что этот вояка, чего доброго, обвинит их в том, что это они заставили его пойти на должностное преступление.

– Если машин там нет, значит, их продали, – понимая, к чему клонит Хубер, сказал Манкуццо.

– То есть признаваться, что ли?! – выпучил глаза генерал.

В это время рядом с ним оказался слуга с порцией водки, и Роммель, схватив стакан, опрокинул его в рот.

– Нет-нет, дружище, – вступил в разговор мистер Леконт, делая слуге знак, чтобы тот исчез. – Мы просто заготовим для вас документы, что танки проданы, и вы покажете эти бумажки ревизорам.

– А где деньги за проданный товар? – продолжал недоумевать генерал.

– Не все деньги, а только небольшой аванс. Скажем, триста миллионов, – заметил Хубер. – Остальные после поставки товара.

– Но мы ведь давно поставили этот товар левым покупателям! Едва ли кто-то еще захочет купить у нас это железо, которого у нас к тому же нет...

– У нас эти танки с удовольствием купят в Прибрежных Мирах.

– Да там же нет людей! Только какие-то бродяги. Откуда им взять двадцать миллиардов?! – продолжал негодовать Роммель.

То, что сразу схватывалось умом финансиста, ему давалось с трудом.

– Все очень просто, генерал, – принялся объяснять Хубер. – Есть несуществующие танки, и есть несуществующий покупатель. Вы можете это допустить?

– Могу, – кивнул Роммель.

– Этот несуществующий покупатель платит аванс в триста миллионов кредитов, но вместо него переводит деньги в один из моих банков. После этого вы отгружаете товар, и он идет к покупателю. Однако в дороге происходит несчастье, на конвой нападают пираты или... – Хубер неопределенно повертел в воздухе пальцем.

– Инопланетяне! – предложил Леконт, и все четверо засмеялись. В том числе и генерал Роммель. Он еще не понял всей комбинации, но чувствовал, что Хубер придумал хороший план.

– Ну так вот, – продолжил тот. – Нападают, частью разносят транспортные суда вдребезги, а частью захватывают для собственных нужд. Таким образом, покупатель не получает товара и отзывает свой аванс...

– А военное ведомство пусть выставляет свои претензии этим пиратам-инопланетянам, – закончил за Хубера Манкуццо.

– Ну, господа! – восторженно произнес Роммель и, поманив пальцем лакея, взял еще одну порцию водки.

– Однако при конвое будет охрана, – задумчиво произнес он, сделав пару глотков.

– Нужно будет сделать так, чтобы она отстала, или что-то в этом роде, – сказал Хубер. – Сможете сделать так?

– Да, – кивнул генерал, обретая над собой контроль.

– А что будет внутри на самом деле? – уточнил Манкуццо. – Нельзя же отпускать суда пустыми. Это сразу заметят экипажи.

– Мы загрузим их астероидной массой, чтобы не таскать камни на орбиту. Хотя, что об этом думают экипажи, совершенно неважно. Они никому ничего не расскажут.

– А где нам взять этих злодеев? – поинтересовался Леконт.

Он уже видел, что появилась Софи, а стало быть, на террасе все готово, однако оставалось решить еще несколько вопросов.

– А вот тут мы обратимся к мистеру Манкуццо, – сказал Хубер. – Как мне кажется, у него есть выходы на нужных людей...

– Да, – кивнул головой суперпосредник, – такие выходы есть. Но нанимать этих людей мы не будем. – Тут Манкуццо позволил себе хитрую улыбку. – Мы сделаем утечку информации, и те, кому нужно, узнают об этом. Сорок тысяч танков – неплохая добыча.

– А если они даже захватят транспорты невредимыми, кто им поверит, что внутри был мусор? – добавил Леконт.

– Но нужен еще хороший капитан, – напомнил генерал.

– Хороший, которого было бы не жалко... – произнес Хубер. – Один такой есть. Он работает на меня уже пять лет. Молодой, энергичный и слишком внимательно смотрит на мою жену...

– Это повод послать его в рейс без обратного билета, – заметил Манкуццо.

– Вот именно.

Позже на террасе, когда водка смягчила давление внешних проблем, генералу Роммелю стало даже немного стыдно, что он, человек, которого коллеги именовали меж собой Железный Фрэнси, вдруг перепугался до такой степени, что позволил себе панический тон.

И чего он испугался, в самом деле? Судебного преследования? А что потом – смертный приговор? Но генерал был уверен, что не боится смерти. По крайней мере, в молодости, пройдя

через горнила полудюжины больших и малых военных кампаний, он не кланялся пулям и, презирая опасность, оставался цел. Так чего же бояться сейчас?

«Я боюсь потерять деньги», – догадался Роммель и улыбнулся, когда кто-то из гостей пошутил. Да, это был Манкуццо. Человек, который и сосватал генерала на первое дело.

Поначалу это была партия обмундирования на сумму в полмиллиарда кредитов. Его благополучно сбыли в периферийных мирах, а склады, где еще оставалось немного товара, заразили «мальтийской пылью» – бактериями, которые сжигали любое количество хлопка за одну неделю, оставляя после себя что-то вроде пепла. Когда комиссия нагрязнула на склад, чтобы оценить ущерб, никто уже не мог сказать, сколько было загублено имущества, поэтому списали все, что имелось по документам.

Это была удача, и, получив свою долю (около ста миллионов), Франсиско Роммель неожиданно испытал прежде не изведенное чувство – чувство некоей внутренней, интимной власти. Не той, что давала Роммелю его высокая должность, нет. Конечно, он мог вмешаться в финансовые дела военного министерства, он мог двинуть с места 6-й Ударный и 34-й Штурмовой флоты, но стоило генералу уйти на пенсию, как вся эта военная мощь перешла бы к другому. А он – Роммель – остался бы доживать на генеральскую пенсию.

Деньги для покрытия расходов генералу были не нужны, но ощущать большие суммы на личном счету стало для него жизненной необходимостью.

На афере с танками он заработал почти пять миллиардов. Казалось, что подобных денег должно было хватить для обеспечения самых острых ощущений могущества, но скоро Франсиско стал замечать, что и этого ему уже мало.

– Ну а вы, генерал, по-прежнему передвигаетесь только в составе эскадры? – задал вопрос Хубер, который слегка ревновал Роммеля к внешним признакам значительности. Ведь, как ни крути, он, Хубер, – всего лишь провинциальный нувориш, а генерал Роммель – штатный высокопоставленный чиновник вооруженных сил Объединения Англизонских Миров.

– Ничего не поделаешь, таково положение устава. Уполномоченный Генерального штаба обязан передвигаться в сопровождении двух линейных крейсеров, судна радиолокационной разведки и авианесущей базы 3-го класса с сотней истребителей на борту.

– Вот почему генерал не боится спускаться в обычном лоцманском катере, – заметил Хубер.

– Наш генерал вообще ничего не боится, – подвел итог Леконт и, подняв бокал, добавил: – За генерала Роммеля!

В этот момент послышался негромкий хлопок, и ночное небо прочертила трасса реактивной пули.

– Диас! – позвал хозяин, и шеф безопасности тотчас появился возле столов. – Что это было, Диас? – спросил Леконт.

– Кабан, сэр.

– Кабан? – удивленно спросил Хубер.

– Так точно, в это время года они бывают опасны, вот мы и отстреливаем их, если они подбираются слишком близко к Карвэйн-Холлу.

Глава 3

Гэри Ткачук сидел на удобном стуле, таком удобном, что, упираясь локтями в парапет, можно было часами, не меняя позы, смотреть в оптический прицел.

Единственной проблемой были отчеты, которых требовал Доменик. Он то и дело связывался по радио и спрашивал, как дела.

– Нормально, – отвечал ему Ткачук.

– Ничего не видишь? – снова спрашивал Доменик.

– Ничего, – опять отвечал Гэри, и его оставляли в покое на пятнадцать минут. Впрочем, тогда Доменик переключался на других снайперов, которые тоже сидели по периметру главного здания Карвэйн-Холла.

Гэри было непонятно волнение Доменика, хотя, конечно, тот боялся засветиться перед Диасом. За последние полгода Хосе самолично «наказал» троих из штата охраны.

Никто даже не знал, куда они подевались. А сам Диас говорил, что он их «уволит». Именно такого «увольнения» и боялся Доменик. Иначе зачем все время спрашивать, если по правилам снайперы все равно запрашивали разрешение на выстрел.

А где-то внизу, на террасе, уже встречались большие боссы. Гэри чувствовал запахи, доносившиеся из кухонной вентиляционной трубы, и примерно представлял, что и за чем будут подавать.

Гэри сам немножко готовил и собирался скопить денег на собственный ресторанчик.

С юга подул свежий ветерок. Ткачук шевельнулся и повел прицелом вправо. На панораме сменились цифры, что означало переход на другой метод обнаружения. Специальная программа меняла методики слежения через каждые десять секунд, запуская то инфракрасное зрение, то объемное сканирование, то наведение по разнице плотности объектов. Стоявшие на здании фокусирующие антенны могли собирать информацию по десяткам параметров, и все это выдавалось на чипы, установленные в винтовках «скорпион». Подобная смена параметров прицеливания была необходима для того, чтобы злоумышленники не могли как-то экранировать или забить сигналы.

«Хорошая техника, умная», – подумал Ткачук и погладил винтовку, как живое существо.

Он еще раз повел прицелом из стороны в сторону и вдруг почувствовал, что видит какую-то фальшивую картинку.

Гэри понаблюдал еще и понял, в чем дело. Режимы наведения переключались, однако их панорамы не менялись. Заметить это было трудно, почти невозможно, но Ткачук заметил.

– Доменик, – тихо позвал он.

– Да, – тут же откликнулся тот.

– Скажи посту поддержки, чтобы программу сменили.

– А что такое? – занервничал Доменик.

– Пока еще ничего. Просто хочу посмотреть в другом режиме.

– Хорошо.

Через несколько мгновений режим сменился, и автоматика сразу захватила увиденную цель. Это был силуэт человека, крадущегося в редком кустарнике. Он не был случайным бродягой, поскольку ради его путешествия кто-то сумел по перехваченным импульсам взломать код смены режимов и подсунуть заставку.

«Дистанция 864 метра», – услужливо выдала программа, и Доменик навел оранжевое перекрестье точно на грудь.

– Доменик, – снова позвал он. – Вижу «кабана»...

– Что?!

– Что слышал... – тихо ответил Гэри, настраивая дыхание.

– Сейчас доложу Диасу!

«Давай», – мысленно ответил Ткачук. Потом снова послышался голос Доменика:

– Разрешение получено, Гэри...

Наверное, ему хотелось задать Ткачуку еще кучу вопросов, но он понимал, что в такой ситуации снайпера лучше не беспокоить.

Гэри плавно нажал спусковой крючок и почувствовал пружинящую отдачу. Реактивная пуля унеслась в темноту и точно поразила цель.

– Поздравляю, – донеслось справа, оттуда, где сидел коллега Ткачука – Алан. – Как ты его засек?

– Сам не понимаю, – признался Ткачук. – Что-то почувствовал...

– Ты попал? – прозвучал в наушнике голос Доменика.

– Да, попал.

Затем послышался легкий щелчок и заговорил сам Диас.

– Гэри? – с некоторым удивлением произнес он.

– Да, сэр.

– Ты молодец, Гэри.

– Спасибо, сэр.

Утром, как обычно, пошли на прочесывание. Эта процедура в службе охраны была ежедневной, они выходили и когда накануне у снайперов была работа.

Первыми только по им ведомым тропкам шли саперы. Они лучше других знали расположение ловушек и сигнальных мин, которыми, словно грибами, была напичкана вся окружающая территория.

Боевых зарядов здесь не ставили, однако сигнальные мины тоже требовали к себе уважения.

По такому случаю к месту происшествия отправился и Хосе Диас. Он вел себя тихо, шел следом за проводниками и лишь посматривал на небо, провозжая взглядом уходящие один за другим суда хозяйских гостей. Последней стартовала яхта Эдварда Хубера. Она нехотя оторвалась от площадки и тяжело пошла вверх, волоча по земле свою огромную тень.

К моменту, когда ее рев поглотила высота, группа прочесывания уже прибыла на место.

Первыми снова пошли саперы, которые проверяли местность на наличие чужих сюрпризов, – ведь те, кто потерял здесь ночью товарища, вполне могли отомстить.

Пройдя по кустарникам с приборами, саперы дали знак, что остальные могут приблизиться.

– А где труп? – тут же спросил Диас.

– В канаве, сэр, – сказал один из саперов, указывая на проделанное весенним ручьем углубление.

Диас, а вместе с ним Ткачук и Алан подошли к указанному месту и увидели то же, что и в прошлый раз. Примерно месяц назад Гэри подстрелил другого лазутчика, только на полкилометра восточнее.

Труп был облит какими-то химикатами, которые его практически растворили, и теперь уже нельзя было определить, кто это, если только не устраивать полную генетическую экспертизу.

Впрочем, этого не требовалось. Диас уже знал, что это был один из агентов полицейского департамента, которые шли по следам сомнительных сделок его босса. Чтобы добыть информацию, эти люди шли на риск и, по всей видимости, чего-то все же добивались.

Этой ночью они уходили в спешке, поэтому в некоторых местах земля была потревожена треногами, на которых стояла шпионская аппаратура.

Скорее всего, они наведывались сюда каждую ночь, а уходя, тщательно убирали следы, но на этот раз времени у них было мало. Они лишь стащили «кошкой» тело своего товарища и обезобразили его химикатами.

«Интересно знать, что им уже известно? – подумал Диас, глядя, как его люди обыскивают территорию. – И кто дал им информацию о кодах программы?»

В то, что можно определить коды по обратным импульсам, Хосе не очень-то верилось. Впрочем, люди, работавшие на правительство, были хорошо оснащены. Хорошо оснащены и упрямы. Диас был уверен, что они не оставят этого занятия и вернуться еще.

Пропуск в служебную зону позволял Генри Аткинсу беспрепятственно попадать на территорию личного города мистера Хубера. В офисном комплексе у пилотов была небольшая комната, где Генри часто проверял накладные на грузы, которые перевозил для его компаний.

Дальше все было просто. Джанин звонила на пост в переходном туннеле и просила, чтобы пропустили человека с цветами, с обувью или электрика – все зависело от предварительной договоренности, и Генри пропускали, ведь речь шла всего лишь о входе в хозяйственные постройки дворца, где жили мистер Хубер и его молодая жена.

Тайные встречи происходили в помещении кладовой возле прачечной, где хранились кровати, матрасы и постельные принадлежности. Лучшее место для тайных свиданий трудно было представить.

Джанин приносила маленькую бутылку шампанского, и любовники выпивали ее в крошечной темноте, что только добавляло встречам романтизма и разжигало страсть.

После занятий сексом они отдыхали и обсуждали создавшееся положение. Джанин была влюблена серьезно, однако Генри не чувствовал в себе такого уж сильного огня. Эта женщина была само совершенство, недаром ее выбрал босс, однако Генри сомневался, стал бы он бегать к ней на рискованные свидания, будь она обычной горожанкой. Наверное, ему льстило, что Джанин была женой босса, надменного и всемогущего Хубера.

– Ну что твой соглядатай? Он еще не понял, что ты убегаешь от него на фургоне? – спросила Джанин во время последней встречи.

– Нет, все так же упорно караулит мою машину, – ответил Генри.

Вот уже два месяца, как Хубер начал его подозревать. Он приставил к своему личному пилоту шпионов, чтобы те следовали за ним по пятам. Однако Аткинс придумал, как отрываться от слежки в здании большого универмага.

Генри оставлял машину на стоянке и, пройдя магазин насквозь, спускался в лавочку знакомого булочника, у которого и одалживал за двадцать кредитов его фирменный фургончик.

Именно на нем, в кепке и майке с надписью «Свежая сдоба», Аткинс проезжал мимо дежурящих шпииков и направлялся к «городу Хубера», как называли один из районов столицы, в котором находилась штаб-квартира могущественного финансиста.

– Послушай, Генри, если Эдгар догадывается, почему он еще не убил нас? – спросила вдруг Джанин и прижалась к любовнику теплым бедром.

– Догадываться не значит знать, дорогая моя... – ответил Генри и подумал, что Джанин все чаще заводит эти разговоры, в особенности после того, как однажды предложила ему бежать от Хубера вдвоем.

«Сбежать от Хубера. Это ж надо такое придумать!» – подумал Аткинс. С другой стороны, сам он уже давно готовился к побегу, понимая, что за шесть лет, что провел на службе у Эдгара, он узнал столько, что следующая его остановка – кладбище для неопознанных трупов.

Чтобы отвлечь пилота от подобных догадок, босс платил ему бешеные деньги. У Генри в его неполные тридцать была в городе большая квартира, а за городом возле озера стояла вилла с двенадцатью спальнями. За ней ухаживали пятеро слуг, но сам Генри появлялся в ней редко.

Его личный счет еще пару лет назад достиг семизначной цифры, однако эти деньги лежали в банке, принадлежащем Хуберу, а стало быть, в случае чего тот всегда мог их заморозить и сделать карточки Аткинса бесполезными.

Впрочем, Генри уже давно придумал, как решить эту проблему. Ему не хватало только повода, который заставил бы его по-настоящему испугаться и бежать, спасая свою жизнь.

Глава 4

На другой день, словно в предчувствии чего-то особенного, Аткинс проснулся рано – в восемь часов.

Поскольку кухарка приходила только в десять, он сам приготовил себе завтрак и спустился вниз за газетами.

Солнце в это утро светило по-особому щедро, словно делало это для Генри в последний раз.

Выхватив не глядя несколько бульварных листков, он отказался от сдачи и вернулся в квартиру как раз в тот момент, когда зазвонил телефон.

– Слушаю, – ответил Генри, отмечая, что его голос неожиданно осип.

– Мистер Аткинс, это вас Грег Бойлер беспокоит. Сэр Эдвард ждет вас сегодня в половине первого.

– Хорошо, я понял.

На том конце положили трубку, и Генри тоже осторожно положил свою, будто боялся, что она взорвется.

Грег Бойлер был одним из сотрудников секретариата, и именно он чаще других звонил Аткинсу, если для пилота находилась новая работа.

«Ну, вот и все», – подумал Генри и, выйдя на террасу, посмотрел, как просыпается и разминает мускулы город. Движение на улицах становилось все оживленнее, и звуки автомобильных гудков слышались все чаще.

«А что творится где-нибудь в гигаполисах перенаселенного Онслеяма или Дижанейро?» – появилась в голове Генри непонятно откуда взявшаяся мысль. Впрочем, секунду спустя он понял, откуда она. Интуиция подсказывала ему, где следует прятаться, чтобы не смог достать никакой Хубер.

Бросив на панораму города последний, прощальный, взгляд, Генри пошел собираться.

Он делал это как-то вяло, словно смирившись с тем, что его ожидает, но новый неожиданный телефонный звонок вывел его из апатии.

«Кто бы это мог быть?» – удивился Аткинс. Как человек необщительный, а также из-за режима секретности, на котором всегда настаивал Хубер, он ни с кем не водил компаний.

Телефон все звонил, а Генри не спешил поднимать трубку. Он посмотрел на панель телефонного анализатора: звонили из старого городского района Литтас, где никаких знакомых у него точно не было.

– Алло, – наконец ответил Генри, ожидая, что перед ним извинятся за неправильно набранный номер, однако незнакомый молодой голос произнес:

– Это Генри? Это Генри Аткинс?

– Ну да, а что вам нужно?

– Генри! Это Ник Ламберт!

– Ник Ламберт? – недоуменно переспросил Генри. – Не знаю никакого Ни...

Он еще не договорил фразы, когда вдруг вспомнил, кто такой Ламберт. Ну конечно, так звали семнадцатилетнего паренька, который поступил на первый курс летного училища Джудж-Роял, на Кортиси. Генри тогда уже заканчивал практический курс и был без пяти минут дипломированным пилотом.

Сказать по правде, ему тогда приятно было восторженное отношение этого юнца, который в каждом старшекурснике видел едва ли не генерала.

Они прожили в соседних комнатах примерно неделю, а затем Генри уехал по распределению, а Ник остался постигать мастерство пилота.

– Выходит, ты уже окончил училище, Ник? – удивился Генри.

– Ну конечно, сэр, ведь прошло уже шесть лет!

– Шесть лет... подумать только, – произнес Генри. Он уже давно забыл, что это только годы учебы тянутся долго, а вот когда человек занят, изо дня в день, рутинной работой, незаметно проходят не только годы, но и десятилетия, словно время получает проценты со старости.

– Слушай, а откуда ты знаешь мой телефон? – забеспокоился вдруг Генри.

Сам не зная почему, он уже приплел сюда и Хубера.

– Но вы же сами давали мне телефон своей тети. Я приехал сюда, позвонил ей, и она перенаправила меня к вам.

– Вот как? А разве тетя Рут еще жива?! – удивился Генри.

Он был уверен, что старуха давно отдала концы, ведь она уже год как перестала ему звонить, а раз перестала, значит, при ее годах...

– Да, сэр, она неплохо себя чувствует для своих лет. Так она сама мне сказала.

«А он, видать, мальчик из добреньких, – сказал себе Генри. – Из тех, кто знает, что сказать старушенциям, чтобы те умилялись. А вот я не такой. Рут не звонит, и я решил, что она – того».

– Вот что, Ники, давай-ка позвони мне часиков в восемь, и мы с тобой пересечемся. А то сейчас мне нужно срочно отлучиться. Идет?

– Конечно, сэр, как скажете...

– Ну вот и чудненько. А ты как на Бронтзее оказался? – снова забеспокоился Генри. Ему показалось, что все это неспроста.

– Здесь осталась квартира моих родителей, сэр... Вот я и приехал, так сказать, вступить во владение, пока отпуск не закончился.

– Понятно. Ну ладно, значит, договорились?

– Договорились, сэр.

Глава 5

Впервые за пять лет Генри так внимательно рассматривал главную проходную в «город Хубера», промежуточные посты, высокие деревья, привезенные сюда уже во всей красе, искусственный пруд с живой рыбой и гигантские, лишённые всякой художественности фонтаны, поставленные как символ могущества денег, изливавшихся в карманы босса.

Раньше, когда Генри Аткинс еще не закрутил интрижку с Джанин, он как-то не придавал значения всем этим символам, однако теперь, чувствуя за собой вину, стал по-новому оценивать силу Хубера и слабость маленького, ничтожного выскочки, каким себя считал, перед этим гигантом.

«Что ж, поделом тебе, Генри», – сказал себе Аткинс, взявшись за ручку двери приемной, отделанную природным янтарем. Говорили, будто эти камни Хубер получил, купив несколько музейных коллекций вместе с самими музеями.

Правда это или нет, никто точно не знал, но в нескольких фешенебельных сортирах здания, где сидел босс, Генри собственными глазами видел дужки унитаза, выложенные кусочками янтаря. Со всякими там мошками внутри и древними цветами.

– Сэр Эдвард ждет вас, мистер Аткинс, – напомнила секретарша, грудастая красотка Мэйс, по-своему истолковав нерешительность пилота.

– Да-да, конечно, – кивнул Генри, понимая, что выглядит по-идиотски, держась за ручку и не двигаясь.

Наконец он потянул тяжелую дверь и шагнул навстречу неизвестности.

– А-а! Вот и наш маленький хулиган! – обрадованно воскликнул Хубер, поднимаясь из кожаного кресла с огромной спинкой. Такой большой, что сэр Эдвард казался в нем пигмеем, хотя имел немалый рост.

– Да, – неопределенно кивнул Генри, не зная, намекает ли на что-то Хубер или просто так шутит.

– Присаживайся, Генри. Сейчас будем разговаривать... – многозначительно произнес Хубер, бросив на Генри испытующий взгляд.

Впрочем, бывшее нахальство снова вернулось к пилоту, и он, взяв себя в руки, раскованно плюхнулся в гостевое кресло.

Хубер подошел ближе и сел напротив.

– Догадываешься, о чем будем говорить? – В голосе Хубера снова послышалась угроза, однако Генри решил не сдаваться. Он просто покрутил головой, изображая недоумка, и ответил:

– Не-а...

– О работе, Генри. О нашей сложной, но хорошо оплачиваемой работе.

– Ну да, – согласился Генри.

– Как давно мы работаем вместе?

– Уже шесть лет, сэр, как я неожиданно сегодня выяснил...

– Неожиданно выяснил? – удивился хозяин. Казалось, разговор с пилотом приносил ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Да. Раньше я об этом как-то не думал.

– Появилась работенка, Генри. Как раз для тебя.

– А Гилберт или Швецов не справятся?

– Вот как! – Хубер даже хохотнул. – А тебе самому деньги не нужны?

– А что, хороший куш? – Генри сделал заинтересованное лицо и даже наклонился к хозяину, чтобы расслышать сумму, которую тот предложит.

– А за зарплату ты уже и не работаешь?

- Но вы же всегда, кроме зарплаты, платили бонус, – напомнил пилот.
- Да, конечно. И твои бонусы для других были просто недостижимы...

Хубер помолчал, глядя на свои унизанные перстнями пальцы, затем поднял взгляд на Генри и сказал:

– Я тут посмотрел твой банковский счет, и ты знаешь – там лежит семь с половиной миллионов. Неплохо для пилота, а?

– А как же банковская тайна, сэр?

– Да брось ты, – отмахнулся Хубер. – Какие между друзьями секреты?! Ведь мы же друзья, Генри?

– Конечно, сэр.

– Вот поэтому я и предлагаю эту работу тебе, а не кому-то еще. Если сделаешь ее, твой счет удвоится.

– Ого! Видать, рискованное дело.

– Нет, не слишком рискованное. Просто очень ответственное...

– И что нужно везти? – Генри снова старательно вел денежный торг.

– Танки.

– Танки?

– Да, танки. Сорок тысяч штук, погруженные на сорок транспортов.

– Какой срок мне грозит, если нас заметут?

– Никакого. Это государственная поставка.

– Серьезно? – не поверил Генри.

– Совершенно серьезно. Мы доставляем этот груз, а вооруженные силы предоставят нам охрану.

– Это уже интересно, сэр. Ведь, насколько я понимаю, они гарантируют полную безопасность.

– Об этом можешь не беспокоиться. – Хубер сложил руки на животе и улыбнулся.

– А куда доставлять груз?

– Получатель будет ждать на двух планетах Прибрежных Миров – Новая Каледония и Деркач.

– О-о-о, – протянул Генри, и у него получилось довольно естественно. – Прибрежные Миры – это такая дыра, я вам скажу. Нужно будет идти через треугольник Судак – Червонец – Зуфар, а там любому грузу могут приделать ноги, и никакая охрана не поможет.

– Поможет, Генри. С тобой пойдут настоящие линейные корабли с пушками и ракетами. Они сотрут в порошок любую армию преступников.

Сказав это, Хубер поднялся, давая понять, что обсуждение окончено. Вернувшись к своему троподобному креслу, он бросил на Аткинса короткий взгляд и добавил:

– Все документы я отправлю тебе прямо домой. А через три дня вылет с орбиты Бронтзее.

Все время, пока возвращался домой, Генри и так и этак взвешивал предложение Хубера, и чем больше он об этом думал, тем сильнее убеждался, что это какая-то ловушка.

Возможно, лишь для него одного, но нельзя исключать, что и для всего конвоя, а точнее – груза. Внезапно озарившая его догадка заставила Генри выругаться. Его автомобиль, словно испугавшись, дернулся влево, чем вызвал несколько неодобрительных гудков следовавших позади машин.

Заметив, что уже во второй раз проскочил нужную ему развязку, Генри пошел на новый разворот.

Итак, надо оставить все посторонние мысли на потом и вести машину повнимательнее, хотя сделать это было не так легко. Голос Хубера продолжал звучать в ушах. И эти его новые интонации... Он будто выносил приговор.

Больше всего Генри насторожило то, что Хубер выдавал эту аферу за легальную операцию. Ведь он знал – Эдгар Хубер принципиально не занимался ничем разрешенным, это было его главное правило.

Попав наконец на нужную улицу, Генри стал мысленно складывать план побега. И тут ему очень кстати вспомнился едва оперившийся пилот Ник Ламберт.

Хорошо бы позвонил, как обещал. Соскочив с оживленной магистрали, Генри повел машину по свободной от транспорта улице. Здесь попадались только машины обитателей этого элитного района, многие из которых были ему знакомы.

Человек замкнутый и нелюдимый, Генри в этом заповеднике все же порой скучал и выезжал в районы, где жили простые горожане, чтобы вдохнуть запах маленьких ресторанчиков и послушать крикливых зазывал на распродажах дешевых товаров. Теперь, когда Генри твердо решил бежать, в голову пришла мысль, что ему будет не хватать всего этого. Как и любое живое существо, он оказался привязчивым и уязвимым.

Оставив свой мощный «брокер-ТХ» на персональной стоянке, Генри прошел в заставленный фикусами холл и, кивнув сменившейся консьержке, поднялся в лифте на свой этаж.

Кухарка миссис Бонем уже закончила свою стряпню, а теперь сидела перед TV-боксом и смотрела одну из любимых мыльных опер.

Заметив, что хозяин вернулся, она тотчас прервалась и пошла ему навстречу.

– Сегодня бужелонские котлетки с соусом, – объявила она. – А на десерт клубника.

– Спасибо, миссис Бонем, это очень кстати, – соврал Генри.

Ему совсем не хотелось есть.

– Тогда я накрою на стол?

– Не нужно. Сегодня я жду гостей, так что оценю ваши таланты не в одиночестве.

– Но если это будет дама, то...

– Нет, это один мой давнишний товарищ. Мы выпьем вина, съедим ваши котлетки и вспомним былые времена.

– Тогда я схожу за белым вином, ведь у вас только красное! – не сдавалась миссис Бонем в своем стремлении угодить.

Ее муж давно умер, а двое взрослых сыновей жили с семьями на другом конце города. Миссис Бонем по инерции заботилась о Генри, что ему не очень нравилось.

– Ну, тогда все, – грустно согласилась кухарка. – Я могу идти домой...

– Идите, миссис Бонем... Вот, кстати. – Генри достал из кармана пятьсот кредитов и протянул кухарке.

– Но здесь слишком много, вы платите мне триста в месяц, а здесь пятьсот! – запротестовала та.

– Возьмите, миссис Бонем. Я уезжаю в длительную командировку, так что это ваше отпускное пособие.

Наконец кухарка ушла, сказав на прощание, что в отсутствие Генри «тилиликала эта штука». Под «этой штукой» она понимала сетевой приемник, который подавал сигнал, когда приходила почта.

Выпроводив заботливую миссис Бонем, Генри тут же сел к терминалу и начал просматривать все пришедшие документы. Как и говорил Хубер, в них фигурировали сорок грузовиков «эрфарго С-1600», принадлежащих одной из транспортных компаний Хубера. Все они были застрахованы в сторонних фирмах, поэтому босс тут ничем не рисковал.

Далее в документах значилось, что грузовые корабли уже находятся на орбите Бронтзее, однако Генри очень в этом сомневался. Никто бы не стал держать груженные корабли несколько лишних дней. Стало быть, они еще грузятся. А чем можно грузиться в ближайших районах? Генри снова окунулся в изучение документов, однако данные обо всех промежуточных стан-

циях были стерты. Только орбитальные склады где-то возле станции Джи-Тауэр и сразу Бронтзее. Количество погруженного на грузовики топлива тоже не приводилось, однако остались счета.

– Вот, сукин сын, ты и попался, – довольно потер руки Генри.

Он достал специальные таблицы и стал рассчитывать путь сорока грузовиков от конечной станции до Бронтзее. Получалось, что даже с грузом они не могли сжечь всего топлива. Стало быть, сделали небольшой крюк.

Генри включил голограмму звездной карты района и сразу увидел, куда могли заскочить сорок грузовиков.

Это был металлургический завод Хубера, работавший на сырье астероидного скопления. Генри снова сделал перерасчет и даже засмеялся, довольный тем, что цифры сошлись.

– Значит, мистер Хубер, вы грузите корабли пустой породой, – произнес он вслух и тут же прикрыл рот рукой. А вдруг босс спрятал в квартире «жучки»? Ведь приставил же он к Генри шпиков.

Впрочем, в это как-то не очень верилось. Генри успокоился и пошел на кухню сварить себе кофе.

Пока кофейный прибор делал необходимые манипуляции с зернами, Генри вернулся к терминалу и посмотрел расписание проходящих через Бронтзее не зависящих от Хубера пассажирских судов.

К орбитальным станциям швартовалось несколько таких, пассажиры прибывали к ним на челноках. На всякий случай Генри забронировал себе места на всех судах, ведь он не знал точно, на какой корабль сумеет попасть.

Вместо «мистер Хубер» Генри подписался «мистер Ребух» и, довольный этой маленькой мезью, побежал в кухню, где как раз подоспел кофе.

Выхлебав по глоточку чашечку натурального обжигающего напитка, Генри Аткинс почувствовал прилив оптимизма и уверенности, что все у него получится.

Он снова сел за терминал и, используя шахматный код, соединился с сетевым узлом торговцев недвижимостью. Добравшись до заранее приготовленного контракта, Генри поставил свою подпись и число с таким расчетом, чтобы сделка вступила в силу в день отправления конвоя.

После запуска этой сделки большое домовладение стоимостью в шесть с половиной миллионов кредитов, находящееся на неизвестной Генри планете, должно было перейти в его собственность. Уведомление об этом немедленно поступало в один из банков, который сразу выдавал Генри кредит в шесть миллионов, помещая деньги на секретный счет. А домовладение переходило банку под обеспечение возврата кредита.

И самым хитрым во всей этой комбинации было то, что денег из подконтрольного Хуберу банка Генри не переводил. Просто он передавал торговцам недвижимостью все права на управление счетом. А раз деньги до поры не двигались, Эдгар Хубер и знать не знал, что задумал его пилот.

Глава 6

Главный наемник Эдгара Хубера, а точнее сказать, его стопроцентный раб, стоял посреди кабинета босса и озирался по сторонам. Еще никогда прежде ему не доводилось бывать в этом дворце, поскольку большую часть времени он со своими головорезами проводил на Орфее, в сутках лета от Бронтзее.

На Орфее был скверный воздух и повышенная радиация, зато Ламброзо – так звали наемника – был там самым главным.

Ему подчинялось все население планеты, насчитывавшее четыреста семнадцать человек. Когда-то их была целая тысяча, заключенных, оказавшихся в тюремной барже, которую оторвало от причала гравитационной бурей. Люди Хубера поймали эту баржу, и он предоставил заключенным самим решать, возвращаться ли им в правительственную тюрьму или попробовать выжить на Орфее.

Поначалу все выбрали Орфей, но климат этой планеты не всем пришелся по вкусу. Люди стали умирать, а затем подняли бунт. Однако Ламброзо с верными ему уголовниками жестоко подавили восстание, оставив в живых только самых лояльных.

Чтобы этой колонии не было скучно, весь ее личный состав по желанию Хубера занимался изучением военного дела и тренировками. В остальном никакой нужды они не испытывали. Получали жалованье, а раз в три месяца их, сменой по пятьдесят человек, возили на орбитальный бордель.

Когда Хуберу показалось, что уголовники уже чему-то научились, он начал посылать их в качестве охраны в не самые важные рейсы. Люди Ламброзо справлялись, не безобразничали и со временем превращались в настоящие штатные единицы великой империи Эдгара Хубера.

– Ну, как тебе мой офис, Люк? – сдерживая улыбку, поинтересовался Хубер.

– О! Сэр! Такого кубрика я в жизни не видел! – честно признался тот, поглаживая шершавой ладонью свою лысую голову.

– Я думаю и для тебя соорудить на Орфее что-то подобное.

– Но зачем, сэр? Такие расходы...

– Нет-нет, пора вам создать совершенно нормальные условия для работы, и вообще, я собираюсь построить на Орфее город, так что тебе нужен настоящий офис, а не казарма, в которой вы сейчас живете.

– Как скажете, сэр, – ответил Ламброзо, не зная, куда от смущения деть руки.

А Хубер с интересом рассматривал голову своего «генерал-губернатора». Вся испещренная шрамами, она напоминала глобус планеты Гидро, на которой были найдены каналы древних цивилизаций.

– Но это не то дело, ради которого я вызвал тебя на Бронтзее, – продолжил сэр Эдгар. – Подворачивается очень ответственное задание, Люк, в котором ты будешь моей главной опорой... Моими глазами, ушами и моим э-э... В общем, практически всем.

– Я готов, сэр.

– Составь список из пятидесяти своих лучших людей, и мы доставим их сюда немедленно.

– Да, сэр!

– Делать вам ничего особенно не придется, но сам знаешь, всякое в дороге может случиться...

– Да, сэр!

– Главной и персональной твоей задачей будет следить за капитаном-пилотом. Чтобы он ничего такого не учудил. Человек он проверенный, но уж больно груз ответственный...

Хубер поднял глаза на Ламброзо и поразился, с какой собачьей преданностью тот на него смотрит.

«Этот за меня жизнь отдаст», – удовлетворенно подумал Хубер.

– Рейс довольно долгий, тридцать суток в один конец, но, когда вернешься, Люк, получишь бонус в сто тысяч кредитов.

– О, сэр! – не сдержался Ламброзо. Его месячное «генерал-губернаторское» жалованье было в сорок раз меньше. – Не знаю, как вас благодарить...

– Не нужно меня благодарить, Люк. Ты заслуживаешь этих денег. Самое главное, чтобы груз был доставлен на место. Понимаешь?

– Понимаю, сэр, – серьезно кивнул Ламброзо.

– Что бы ни происходило, конвой должен двигаться к месту назначения.

– Что бы ни происходило... Конвой должен двигаться... – заучивая наизусть, повторил Люк.

– Все понял?

– Все понял, – уверенно подтвердил Ламброзо.

– Тогда иди в приемную, составь список и передай мистеру Гилборну, он уже ждет. И помни, только самых лучших.

– Да, сэр, только самых лучших.

Негромкая блюзовая композиция доносилась из оркестрового угла, а в двух шагах, на мраморном возвышении, журчал фонтанчик из чистейшего рэлси.

Генри сидел, задумчиво уставившись в пустоту. Вот-вот должен был подойти Ник Ламберт. Как человек пунктуальный, он позвонил ровно в восемь, и Генри без лишних слов пригласил коллегу в ресторан «Шабоне».

– Но я не знаю, где это, сэр!

– Нет проблем, Ник.ловишь любое такси и называешь этот ресторан. Больше никаких объяснений не нужно.

– У меня еще нет гражданского костюма, сэр. Ничего, если я в форме буду?

– Ничего, Ник. Мне даже приятно будет взглянуть на новенького пилота третьего класса.

– У меня второй класс, сэр!

– Ну, ты молодец! Ладно, выезжай прямо сейчас. Я прибуду раньше – мне ехать ближе, – так что просто скажешь швейцару, чтобы проводил к мистеру Аткинсу.

– Спасибо, сэр! Я мигом! – отрапортовал Ник и бросил трубку.

Сейчас, вспоминая радостный голос Ника Ламберта, Генри невольно сравнивал его настроение с тем, что владело им самим шесть лет назад. Наверное, то же самое – бесконечный оптимизм и уверенность в своих силах.

Собственно, Генри и не прогадал, все эти годы хорошо зарабатывал, и на его услуги был постоянный спрос. Правда, Генри Аткинс не входил в элитный штат компаний пассажирских перевозок, зато его гонорары с лихвой перекрывали этот недостаток.

– Прошу прощения, сэр, вас спрашивает молодой пилот, – склонившись в полупоклоне, отчитался метрдотель. – Прикажете проводить его сюда?

– Да, проводите. Я его жду.

– Одну минуту, сэр, – важно произнес ресторанный чиновник и немедленно отправился выполнять пожелание клиента.

Вскоре появился Ник. Он отлично смотрелся в пилотской форме, к тому же оказался значительно выше ростом, чем помнил его Генри.

– О, сэр! Но я думал, это ресторан! – Ник удивленно огляделся, пораженный шикарнейшей обстановкой.

– Это и есть ресторан, только для нас двоих, – улыбнулся Генри. – Садись, сейчас начнут подавать.

– Сколько же это стоит? – не переставал удивляться Ник Ламберт, дотрагиваясь рукой до скатерти и приборов из драгоценных металлов.

– Пусть тебя это не беспокоит, за все уже заплачено. Расскажи лучше, как там наш Джудж-Роял?

– Да все нормально, сэр. Думаю, там ничего не изменилось.

Ник смущенно улыбался и не знал, куда деть руки.

Возле стола появился официант. Он вопросительно посмотрел на Генри, тот указал на бутылку, из которой следовало наливать.

Официант профессионально быстро наполнил бокалы и отступил в тень.

– Ну, за встречу, Ник. За то, что ты теперь пилот второго класса.

– Спасибо, сэр.

Они выпили, и Ник восхищенно закивал:

– Никогда не пробовал ничего подобного, сэр.

– Это и неудивительно, – усмехнулся Генри. – Кстати, как там инструктор Форжес, еще летает?

– Летает, что же ему сделается? Когда я перешел на второй курс, ходили слухи, что его отчислят по итогам медицинской проверки, однако старик легко прошел ее, а отчислили другого инструктора – Бланшера, хотя ему еще не было и сорока.

– Бланшера не помню, – признался Генри и, покосившись на официанта, едва заметно кивнул, давая понять, что можно подавать на стол.

– Так ты, значит, сейчас в послеучебном отпуске? – спросил он Ника.

– Да, сэр. – Довольная улыбка расцвела на лице юного пилота.

Генри отметил, что тот все время улыбался. «Ну-ну, мистер Хронический Оптимист», – подумал он, а вслух поинтересовался:

– Работу уже нашел?

– Да, сэр. С работой повезло. Взяли третьим пилотом в «Пасифик-Лайн».

– О, «Пасифик-Лайн»! Как же тебе удалось?

– У меня диплом с отличием, к тому же они меня еще на четвертом курсе приметили.

– Значит, будешь при хорошем жалованье, – сказал Генри, слегка сторонясь, когда официант начал расставлять блюда.

– Но вы тоже не бедствуете, хотя и не летаете в «Пасифике», – заметил Ник, еще раз оглядывая персональный кабинет. – А в фонтанчике что – шампанское?

– Официанты утверждают, что чистый рэлси, но сам я не пробовал... Предпочитаю из бутылки.

– Спасибо, – поблагодарил Ник подававшего официанта, и тот удивленно вздернул брови, пораженный неотесанностью этого провинциала.

– Так, значит, Ник, у тебя еще есть время?

– Да, сэр, еще три недели.

– Не желаешь прокатиться? – не сдержался Генри. Он хотел задать этот вопрос попозже, но получилось иначе.

– В смысле?

– Я через пару дней отправлюсь в рейс на целых шестьдесят суток и могу взять тебя с собой до пассажирской станции «Трэйд-24». Это в трех днях от Бронтзее.

– Просто покататься? – уточнил Ник.

У него уже были на ближайшие дни свои планы, но вот так сразу отказаться от предложения человека, который потратил столько денег на ресторан...

– Зачем же кататься? Пилотировать, мой друг, и не просто пилотировать, а вести конвой из сорока грузовиков в качестве капитана-пилота.

– Сорок грузовиков?! – переспросил пораженный Ник.

- А чего тут удивляться, случается и побольше.
 - Но я никогда не водил в качестве капитана-пилота!
 - Вот поэтому я тебе и предлагаю. Думаю, от такой практики ты не откажешься.
 - Да кто ж от такого отказывается?! – Глаза Ника Ламберта загорелись азартом. – А что за суда?
 - Стандартные транспорты «С-1600».
 - Ух ты! Это же солидный вес! – восхитился Ник.
- Генри понял, что этот парень заглотнул наживку. Чтобы закрепить достигнутый успех, он нагнулся к Нику ближе и тихо спросил:
- А не догадываешься, что за груз мы с тобой поведем?
 - Не-ет, – протянул тот, чувствуя, что сюрпризы у Аткинса еще не закончились.
 - Танки, приятель, танки...
 - В смысле... – не поверил Ник, изобразив рукой неопределенную фигуру.
 - Да, представь себе, именно то, что ты подумал. А через трое суток после выхода к конвою пристегнут еще бортов двадцать охранного сопровождения – штатные единицы 6-го Ударного флота. – Ну так что скажешь, согласен пилотировать такую армаду? – с усмешкой спросил Генри.
 - О чем разговор, сэр!
 - Ну вот и отлично. Давай выпьем за удачный рейс, и вообще, Ник, называй меня, пожалуйста, Генри. Мы с тобой почти ровесники, а то из-за этого твоего «сэр» я чувствую себя старым навозником.

Глава 7

Когда-то Энцо Монзони служил в полиции. Он и сейчас еще вспоминал те времена с долей грусти. Работенка была, конечно, вшивая, но Энцо был молод и ходил с большим пистолетом, так что запросто мог дать в зубы любому лентяю, а потом предъявить полицейский жетон.

Одним словом, служил нормально. Что-то брал у торговцев наркотиками, где-то пощипывал сутенеров – на жизнь хватало. Однако дернуло его попытаться разбогатеть сразу, и он попался на подделке регистрационных журналов, помогая выпустить из каталажки родственника одного важного господина.

Этому подонку все равно ничего не пришили бы – адвокаты знали свое дело, но важный господин не хотел никакой, даже самой малой огласки.

В общем, буча все равно поднялась, и Энцо занялась комиссия по внутренним расследованиям. Ничего доказать они не смогли, однако из доверия офицер полиции Монзони вышел полностью, и его вышибли пинком.

По счастью, благодетели его не забыли. Те люди, из-за кого он поплатился местом, стали подкидывать ему кое-какую грязную работенку, а иногда и почище, так что Энцо стал сводить концы с концами и даже малость нагулял жирок. Со времени его работы в полиции важный господин, которому он оказывал услуги, стал еще более важным и могущественным, однако мог запросто позвонить Энцо ночью и сказать, что есть работенка.

Монзони приезжал в назначенное место и там получал более конкретные инструкции, но уже не от самого Джулиано Манкуццо, а от его посредников.

Вот и теперь Энцо возвращался на машине с одной из таких встреч в городском парке. От долгого сидения на скамейке в сырую погоду здорово замерзли ноги, однако в машине Энцо отогрелся и стал мысленно прокручивать в голове полученные инструкции.

Итак, ему следовало отправиться в предместье Консумен-Леви и посетить бар «Република». Это место было известно как рассадник анархистов и торговцев растительными наркотиками. Информацию о посетителях бара Энцо регулярно получал, еще будучи полицейским.

Если кому-то требовалось найти бестолкового, но дешевого убийцу, «Република» подходила для этой цели как нельзя лучше. Этой услугой, как ни странно, пользовались и некоторые солидные люди. Они нанимали такого киллера, а после выполнения работы тут же его убирали. Получалось и недорого, и с гарантией безопасности.

«Так, что у нас дальше?» – напомнил себе Энцо, ощупав положенные в карман пятнадцать сотен аванса.

А дальше следовало найти человека по имени Юнгвер Косимов. Присланный сеньором Манкуццо посредник подробно описал этого человека да еще показал несколько фотографий. Энцо попросил фотографии, но посредник не дал. Монзони понял и настаивать не стал – ведь это только подтверждало, что дело стоит хороших денег.

Да и фотографии эти Энцо были не нужны. Он отлично ориентировался в словесных портретах и уже представлял Юнгвера Косимова как живого.

Теперь оставалось только поговорить с ним и дипломатично предложить кое-какую информацию. А именно – об отправке к Прибрежным Мирам конвоя с сорока тысячами бронетанковых единиц.

Все подробности следовало оговорить при второй встрече, а за информацию потребовать сто тысяч.

Монзони уже решил, что накинет еще двадцать. Это были нормальные проценты со сделки. По крайней мере, так считал сам Энцо.

Запарковав машину на промокшей от непрекращавшегося дождя стоянке, Монзони поднял воротник плаща и пошел к неоновой вывеске, сообщавшей для тех, кто не знал, что это бар «Республика». Правда, одна буква в названии перегорела, и оттого вся вывеска была похожа на улыбку щербатого пьяницы.

Энцо толкнул дверь, в лицо ему пахнуло какой-то кислотой, смешанной с табачным дымом. Тем не менее посетителей в баре было довольно много, и Энцо едва нашел свободное место возле стойки.

– Что вам налить, мистер? – спросил бармен, внимательно рассматривая лицо посетителя.

– Двойной «питбуль». На улице слишком сыро...

Монзони заговорил в надежде пообщаться с барменом, однако тот молча подал заказ и отошел к другому клиенту. Энцо ничего не оставалось, как повернуться к залу, и тут, на его удачу, он сразу опознал Косимова. Тот сидел в полном одиночестве и посасывал какую-то оранжевую бурду.

Энцо решил, что ждать не стоит, и, подхватив свою выпивку, направился прямо к столу Косимова.

Когда он бесцеремонно уселся напротив, тот несколько удивился. О нем здесь кое-что знали, и чтобы вот так запросто сесть к нему за стол – для этого требовалась известная доля нахальства и храбрости.

– Я по делу, – упреждая естественную реакцию Косимова, сообщил Монзони.

– По каком делу? – сухо осведомился тот.

– Хочу предложить кое-какую информацию, – выпалил Монзони и сделал большой глоток «питбуля». Спиртное обожгло горло, однако Монзони удалось не закашляться.

– От тебя воняет, приятель, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, произнес Косимов.

– Это в каком смысле? – спросил Монзони и почему-то понюхал свои руки.

– От тебя воняет копом, вот я к чему веду.

– Ах, вот в чем дело, – понял Монзони и дружелюбно улыбнулся. – Это просто запах еще не выветрился... Давно это было, очень давно.

– А теперь, значит, информацией торгуешь? – медленно произнес Косимов и снова пригубил из своего стакана.

– Что делать, кормиться-то как-то надо. – Монзони виновато улыбнулся и тут боковым зрением увидел, что слева от него стоит какой-то громила.

По полицейскому опыту Монзони знал, что оборачиваться в таких случаях не стоит. В любом случае это уже не поможет, а лицо перед собеседником потеряешь.

– Говори, что за информация.

– Кое-какой товар отправляется... – стараясь выглядеть многозначительным, произнес Монзони.

– Я что, каждое слово из тебя тянуть должен? – Косимов уставил на Монзони такой застывший, немигающий взгляд, что ему показалось, будто в него целят из пистолета.

– Да я, собственно, знаю совсем мало, – поняв, что здорово влип, начал оправдываться Монзони. В конце концов ему пришлось выложить все.

Косимов слушал не перебивая, а когда рассказчик закончил, произнес:

– Ну вот видишь, это уже кое-что. Я получил даром самое основное, а подробности выясню без твоей помощи.

– Это не я, сэр... – попытался вставить слово Монзони.

– Неважно. Теперь можешь идти. Тебя проводят.

– Да не нужно, я на машине... – сорвавшимся на фальцет голосом стал почти умолять Монзони.

– Веди себя прилично, – брезгливо скривился Косимов. – Ты же мужчина. Бывший коп... После этих слов Монзони как-то обмяк и позволил двум высокорослым парням вывести себя на улицу.

На другой день из свежих утренних газет, пахших краской и синтетической целлюлозой, суперпосредник Джулиано Манкуццо узнал о смерти своего человека. Скупая полицейская хроника сообщала, что Энцо Монзони был убит на автомобильной стоянке возле бара «Република». Ударом ножа.

Свидетелей этого преступления найдено не было.

Джулиано вздохнул, скушал бутерброд с икрой и подумал, что пока все идет как надо. А произошедшее на автостоянке только подтверждало, что информация дойдет до кого нужно.

Глава 8

Многие пилоты, которых выбрали для управления судами конвоя, были Генри Аткинсу знакомы, других он видел впервые. Генри перекинулся с ними несколькими фразами, а затем все разошлись по отдельным челнокам и отправились к своим транспортам.

– Здорово! – произнес восхищенный Ник Ламберт, который не отходил от Аткинса ни на шаг. – Так много пилотов... это напоминает приготовления перед решающим сражением.

– А так оно и есть, – улыбнулся в ответ Генри. – Между прочим, обрати внимание: там в проходе сидят четверо офицеров – это двое штурманов, мой заместитель и главный механик...

– А те люди – дальше?

– Это ремонтники, специалисты по двигательным установкам, наладчики программ и так далее. Всего двадцать шесть человек – без офицеров.

– А те, которые вооружены до зубов, это охрана?

– Охрана.

– Ее всегда так много?

– Почти всегда, – соврал Генри.

Он и сам не рассчитывал увидеть столько вооруженных людей. В особенности был ему неприятен цепной пес сэра Эдгара – Люк Ламброзо.

Шаттл мчался все быстрее, прорываясь сквозь плотную атмосферу, и временами его здорово встряхивало, однако публика была привычная и никто на это не обращал внимания.

– Почему на наше судно летит так много народу, а на другие отправилось всего по три человека? – полюбопытствовал Ник, которому все здесь было интересно.

– Потому что мы будем вроде локомотива, а остальные борта поедут в качестве вагонов. У нас будет все – навигация, штурманы, ремонтные бригады и, как видишь, вооруженная охрана. А у них ничего этого нет. Только движки и слабенький компьютер для обеспечения управления кораблем.

– А почему не сделать все суда самостоятельными?

– Все из-за экономии. Транспорт-вагон стоит втрое дешевле транспорта-локомотива, а на его управление можно посадить пилота, проучившегося на курсах четыре месяца. Сам он почти ничего не умеет и только выполняет команды капитана-пилота. То есть мои команды.

– Здорово. В училище нам такого не говорили.

– Это неудивительно. Подобные изменения появились совсем недавно, наш, вернее, мой наниматель является чем-то вроде первооткрывателя. Многие транспортные компании пока еще пользуются старыми схемами, но в основном это небольшие фирмы, которые осуществляют разовые поставки товаров и не гоняют целые конвои.

Пробившись через атмосферу, шаттл заскользил как по маслу, разгоняясь еще быстрее и несясь навстречу все увеличивающемуся корпусу грузового судна.

Словно огромные пузатые рыбы, заснувшие у поверхности воды, транспорты висели на орбите, ожидая доставки команд.

Те, кто пилотировал эти суда к металлургическому заводу и загружал трюмы породой, уже отправились во внеочередной отпуск, а новые команды доставлялись с Бронтзее.

Зачем это делалось, никто не спрашивал, поскольку руководство было вправе заменять составы, как и когда ему заблагорассудится.

Из непосвященных один только Генри Аткинс догадывался, что происходит вокруг, однако он-то собирался покинуть это общество еще до того момента, когда станет по-настоящему жарко.

Все внутри грузовика «С-1600» Нику очень нравилось. Широкие проходы, хорошая вентиляция, каюта для личного состава и очень удобная и функциональная капитанская рубка, все оборудование в ней было на поколение новее того, которое они изучали в училище.

Было видно, что у владельца транспортной компании дела идут хорошо и он не экономит на производстве.

– Вот, познакомьтесь, ребята, с нашим в некотором роде практикантом! – громко объявил Генри, когда штурманы и помощники собрались в рубке. – Его зовут Ник Ламберт, он дипломированный пилот второго класса и едет с нами до первой станции.

Офицеры, что бы они ни думали об этом молодом человеке, к словам капитана-пилота отнеслись с уважением и, вежливо назвав свои имена, поочередно пожали Ламберту руку.

Один только Ламброзо стоял в углу и настороженно наблюдал за происходившим спектаклем. Генри Аткинс вообще не замечал этого человека, и Ламброзо платил ему тем же.

О лишнем молодом пилоте Люк уже доложил самому Хуберу, но тот отнесся к этой новости спокойно, сказав, что Аткинс человек опытный и вряд ли допустит какую-то оплошность.

Затем с Ламброзо связался человек из службы безопасности Хубера, и Люк продиктовал ему данные, которые он выписал из диплома Ника Ламберта.

После проверки, которая длилась пару минут, выяснилось, что все в порядке и такой человек действительно с отличием окончил училище Джудж-Роял на планете Кортиси.

Познакомив Ника с офицерами, Генри повел его в жилой отсек и показал гостю каюту.

– Как видишь, условия у нас хорошие. Располагайся пока, а я схожу проверю все службы. До старта меньше часа, нужно, чтобы везде был порядок.

– Я бы тоже хотел обойти службы вместе с вами, сэр! – попросил Ник.

– Во-первых, мы договорились, что в каюте я для тебя – Генри. А во-вторых, обходов будет еще много и тебе тоже достанется.

– Хорошо, Генри, – согласился Ник, и ему стало даже немного совестно оттого, что он был таким навязчивым.

Оставив Ламберта одного, Аткинс вышел в коридор и, осмотревшись, быстро завернул за угол и направился в аварийно-спасательный отсек. Там, в отдельном боксе, стояли эвакуационный катер и два челнока, на которых в случае необходимости можно было добраться до любого судна в конвое.

Это были небольшие надежные суденышки, вмещавшие до пяти человек, однако запас топлива у них был небольшим, поскольку они не уходили далеко от своей базы.

Впрочем, Аткинс и не собирался совершать длительных путешествий, и запаса топлива в челноке ему было вполне достаточно.

Открыв дверь бокса универсальным капитанским ключом, Генри сорвал пломбы с удерживавших челнок замков и максимально ослабил крепления, чтобы облегчить себе последующую задачу.

После этого он вернулся в основной коридор и пошел инспектировать службы, проверяя их готовность к походу.

Глава 9

Старт кораблей конвоя и сход их с орбиты Бронтзее происходил довольно буднично. Никаких восторгов и скучные голоса докладывавших о готовности офицеров. Этим людям предстояло неинтересное двухмесячное путешествие, поэтому они сразу настраивались на монотонную работу с бесконечной чередой вахт и скучных обменов казенными фразами.

Только нервная дрожь, передававшаяся стенкам от разгонявших судно двигателей, заставляла почувствовать само начало этого далекого похода. Ник внимательно следил за действиями Генри и по-своему анализировал все происходящее.

– Что, немного разочарован? – спросил Аткинс. – Думал, что все будет грандиознее?

– Да, – признался Ник.

Он сидел в кресле помощника капитана-пилота и сейчас фактически выполнял его обязанности. Правда, ничего делать не приходилось, ведь еще двое-трое суток кораблям предстояло идти по накатанным курсам, где всем управлением транспортов занимались диспетчеры с навигационных станций.

Это потом, когда начнется «дикий» космос, корабли перейдут на крейсерские скорости, штурманы возьмутся за прокладку курса, а капитан-пилот будет следить за каждым из подчиненных.

Теперь же штурман Быковский просматривал книжку комиксов и совершенно не обращал внимания на экран.

Даже стоявший в углу рубки Ламброзо и тот спустя час начал зевать, а потом совсем ушел, успокоенный скучностью всего происходящего.

– Ну вот, еще часов восемь нас будет тащить компьютер, и только потом придется кое-что подправить, – сказал Генри, поднимаясь со своего кресла. – Я пойду подремлю пару часиков, а ты тут сиди за главного. Если будет что-то неясно, спроси у Быковского...

– Но как-то боязно, Генри, – признался Ник.

– А ты ничего не трогай, и все. Побудь немного пассажиром.

– Кстати, – вдруг заметил Ник, указывая на экран. – В каком-то из отсеков неполадка – разомкнут крепежный узел.

– Это, наверное, в спасательном боксе. Случается, там раскрываются замки. Я проверю.

Сказав это, Генри покинул рубку.

Его сердце громко стучало, а ноги выпрыгивали вперед, пытаясь бежать без команды хозяина. И если бы появился Ламброзо, пришлось бы врать, что отлучился в туалет.

Впрочем, капитан-пилот не обязан был отчитываться перед каким-то охранником.

Не встретив в коридорах ни одной живой души, Генри Аткинс благополучно добрался до аварийно-спасательного отсека.

Снова вскрыв дверь, он вошел в бокс и, не в силах больше сдерживать себя, стремглав бросился к кабине.

Запрыгнув на неудобное сиденье, Генри начал лихорадочно включать все пусковые датчики, быстро нажимая кнопку утвердительной команды на каждый из запросов.

Наконец этот полуминутный ритуал был закончен, можно было стартовать, и тут в последний момент Генри вспомнил, что он забыл сделать.

Неуклюже выбравшись из кабины и сильно ударившись при этом головой, Аткинс, не чувствуя боли, подскочил к одной из опор и, достав из кармана заготовленный накануне кусок проволоки, заблокировал им кнопку датчика.

Теперь даже после старта челнока компьютер покажет лишь открытие трех замков, но не оповестит рубку о выходе челнока за борт. Правда, через каждые два часа на экран поступал отчет о действиях автоматики, но к этому времени Генри надеялся быть уже достаточно далеко.

Вернувшись в кабину, он еще раз проверил запускающие механизмы, затем глубоко вздохнул и нажал кнопку «Сброс». Челнок тотчас освободился от захватов, скользнул по направляющим и оказался в переходном шлюзе.

Сзади захлопнулись створки, и началась откачка воздуха. Казалось, это длится бесконечно, хотя Генри знал, что операция занимала несколько секунд.

Наконец на панели загорелась кнопка «Отменить», позволявшая вернуться в бокс, если пилот передумает. Однако Генри не собирался передумывать. Он повторил команду «Сброс», и катапульта вытолкнула челнок через открывшиеся в борту ворота.

Сразу исчезла привычная искусственная гравитация, и Генри уперся рукой в потолок, поскольку забыл пристегнуться. В таком неудобном положении он пытался запустить двигатели, однако те молчали. Генри был уже близок к панике, когда корма шаттла вздрогнула и нагнетатели начали подачу топлива.

– Ну как же ты мог забыть, идиот?! Ведь на запуск дается двадцать секунд! – вспомнил наконец Генри и, включив тягу, начал разгонять судно, стараясь подальше убраться от вытянувшейся колонны транспортов.

Безусловно, кто-то из пилотов мог увидеть эту удаляющуюся точку, однако никому бы и в голову не пришло запросить капитана-пилота и поинтересоваться, что за судно он выпустил с левого борта.

Каждый в этом конвое знал свое место и не лез в чужие дела. На это и рассчитывал Генри Аткинс, и, как видно, расчет оказался верным.

Глава 10

Нику снился сон. Сон был хороший. В нем чудесная девушка – Мэри Хорнс, с которой он познакомился на четвертом курсе, – не бросила его ради капитана Трентона, как это случилось на самом деле, а, наоборот, оставила блистательного офицера ради еще не состоявшегося пилота Ламберта.

Они шли по городскому парку, держась за руки, а люди останавливались и, глядя на них, говорили: «Какая красивая пара...» В какой-то момент Ник осознал, что это сон и Мэри уже два года как стала миссис Трентон, однако он продлевал полет сонной фантазии, наслаждаясь коротким и ненастоящим счастьем.

К реальности его вернуло нудное попискивание монитора, на экране которого появлялся отчет о действиях автоматики. Машины и компьютеры были чрезвычайно умны, однако их постоянно проверяли люди.

Ник открыл глаза и поначалу не сразу разобрался, где он находится. Уж очень сильно увлекла его видимость счастливой любви.

Задремать на управляющем посту да еще увидеть сон – это, конечно, очень стыдно. Хорошо, что сам Аткинс не застал его за этим свинством.

Желая как-то исправиться, Ник впился глазами в экран, шепотом проговаривая те сухие фразы, которые нехотя отображал компьютер.

«Продувка штуцера БМ-8346-МЮ – по правому борту», – прочитал Ник, сразу прикидывая, где может находиться эта штука.

«Зарядка батарей в кормовом ПАРЛ».

«Закачка в биоприемник фекалодеинтегратора». Тут Ник нахмурился. Слово было знакомым, вот только...

«Так это же туалет!» – обрадовался он и повернулся к штурману, который продолжал листать комиксы, однако, вспомнив, что сидит на месте помощника капитана-пилота, Ник вернулся к перепроверке.

«Сброс аварийного челнока с левого борта».

«Протяжка магистрали Б-3856-Б6».

– Стоп! – сказал себе Ник и еще раз вслух перечитал показавшуюся ему странной запись. – Сброс аварийного челнока с левого борта...

Испугавшись, что слегка запутался, Ник решился спросить у штурмана:

– Мистер Быковский, что бы это значило?

– Что, сэр? – переспросил Быковский, с уважением относясь к человеку, сидевшему на месте помощника.

– Вот это. – Ник ткнул пальцем в строчку отчета. – Как это понимать?

– А так и понимайте, сэр. Сбросили аварийный челнок, и точка.

– Но кто сбросил?!

– А что говорит капитан-пилот?

– Ничего. Он в своей каюте отдыхает.

– Нужно его срочно вызвать, – обеспокоенно заметил Быковский и, аккуратно свернув книжку комиксов, засунул ее в карман. Затем подошел к стене, на которой была схема корабля, и, ткнув несколько кнопок, позвал:

– Сэр, будьте добры прибыть в рубку. Нештатная ситуация!

Сделав паузу, штурман подождал ответа. Ждал его и Ник, позабыв про отчет, который продолжал выдавать аккуратный компьютер. Однако никакого ответа от Аткинса не последовало, и сам он в рубку не явился.

– Наверное, крепко спит, – предположил Ник.

– Я сбегая за ним сам, – сказал Быковский и, сорвавшись с места, выскочил из рубки, будто на корабле уже начался пожар.

– Да что же это такое?! – вслух произнес Ник и автоматически прочитал еще одну строку отчета:

«Письменное поздравление механику Куману с днем рождения. Ему исполнилось тридцать семь лет. Составление меню вечернего праздника. Составление списка гостей с применением методов линейного отсечения и одновременная продувка узла УАТА-133-МОЦ».

– Ужас, какая путаная машина, – пришел к выводу Ник и вдруг услышал отчаянные крики, будто кого-то удавливали живыми руками прямо в коридоре. При этом слышались громкие ругательства:

– Сволочи! Шефа сдали! Отца родного подставили!

Ник вскочил со своего места и бросился в коридор, но тут же наткнулся на десяток автоматных стволов, которые были направлены на разные части его тела.

– Так! Хотя бы этот еще здесь! – воскликнул главный охранник, агрессивный субъект с лысой головой. Отпустив изрядно побитого штурмана, он указал на Ламберта пальцем и отдал распоряжение своим солдатам: – Пусть идет на место, а вы держите его на мушке. Караульте, пока я доложу шефу. И будьте внимательны – парень здоров, так что уши на макухе... Флатц – ты за главного...

– Понял, Люк, – ответил охранник с красными выпученными глазами.

Толкнув Ника в грудь стволом автомата, он заставил его отступить обратно в рубку. Ник не стал сопротивляться, тем более что был совершенно обескуражен всем происходящим. Мало того – он не понимал, что же все-таки случилось.

Оставшись наедине с хныкающим побитым штурманом, Ламброзо достал прибор транс-линейной связи и позвонил в офис мистера Хубера.

Тот ответил сразу.

– Слушаю тебя, Люк...

– Сэр! Случилось непредвиденное! Аткинс сбежал!

– Как сбежал?! Что ты мелешь? Ты пьян?

– Нет, сэр, трезв как стеклышко. Он на аварийном челноке смылся! У него же ключ! Открыл бокс и смылся!

– Но на аварийном он далеко не убежит, – стал размышлять Хубер. – К тому же все его деньги... Стоп, а где все его деньги?! Будь на связи!

– Есть, сэр! – ответил Люк, слыша, как в далеком офисе сэр Эдгар разносит своих подчиненных вдребезги. – Уволю-у-у! – вопил он так громко, что Ламброзо казалось, что и его тоже немедленно увольняют.

Наконец из трубки донесся шорох, а затем тяжелое дыхание Хубера.

– Хотел я тебе, Люк, задницу надрать...

– Так точно, сэр!

– Но он и нас тут вокруг пальца обвел, сволочь... А я-то его как сына родного, – начал было жаловаться сэр Эдгар, однако, вспомнив, что отправил лучшего пилота на верную смерть, заткнулся.

– У нас его друзья остались, сэр! – напомнил Люк. – Можем их запросто в расход пустить.

– Молодец, Ламброзо, – с горьким сарказмом произнес Хубер. – А кто суда поведет?

Прикажешь возвращать конвой обратно?

– А и правда, ешкин кот...

Возле ног зашевелился избитый штурман, Люк хотел врезать ему еще, однако передумал.

– Ты вот что – передай-ка прибор этому новенькому...

– Зачем, сэр? Он же может разбить его об пол специально. Они же с Аткинсом друзья закадычные!

– Я тебе сказал – передай трубку, значит, передай, придурок!!! – что есть силы заорал Хубер. И уже тише добавил: – Ты подумай башкой своей побитой, разве друзей так подставляют?

– А и правда, ешкин кот, – согласился Ламброзо.

Глава 11

Ник Ламберт сидел за пультом в кресле помощника капитана-пилота и тупо смотрел на экран, стараясь не думать о десяти головорезах, наставивших на него автоматы.

Что у них было в головах, Ник не знал, но догадывался, что ничего хорошего. Сам он пытался понять, куда подевался Аткинс, – ведь если он не появлялся в рубке, значит, его или убили, или он тяжело болен. Никаких других версий Ник просто не допускал.

– Флатц, у меня палец занемел... – неожиданно произнес один из охранников, который стоял к Нику ближе других.

– Какой палец? – спросил Флатц.

– Который на спусковом крючке – я его не чувствую...

Услышав подобное признание, Ник задержал дыхание и осторожно покосился на говорящего. Тот выглядел каким-то нездоровым, а автомат в его руках заметно подрагивал. Ник невольно представил, что с ним случится, если палец этого парня все-таки дрогнет. Между лопатками стало жарко.

– Ну так убери палец с крючка, Ричи, – посоветовал Флатц.

– Не могу... Я же сказал – занемел он. – Воцарилась тишина, было слышно лишь напряженное сопение несчастного Ричи да громкий стук сердца Ника. На экране стали появляться дублированные сигналы ближайшей навигационной станции, из которых следовало, что вот-вот произойдет левый поворот на семнадцать градусов. Это означало неожиданный толчок и почти наверняка выстрел этого придурка – Ричи.

– Мистер Ламберт! – донеслось из коридора, а затем уже громче: – Мистер Ламберт, с вами хочет поговорить мистер Хубер!

Ламброзо остановился у входа в рубку, поняв, что здесь не все в порядке.

– У Ричи палец на крючке занемел, – сообщил Флатц. – Не знаем, что делать. Он как бомба на взводе – неизвестно, от чего сработает...

Люк молчал, глядя то на вспотевшего Ричи, то на прибор транслирующей связи, на другом конце которой дожидался самый главный босс.

А между тем Ник не мог оторвать взгляда от дублированных на экране сигналов и цифр отсчета последних секунд, за которыми должен был последовать маневр судна.

«Такая вот нелепая смерть, – сказал себе Ник и прикрыл глаза, прощаясь с жизнью. – Такая нелепая...»

Корабль дрогнул, и вслед за толчком прогреготала автоматная очередь, от чего у Ника заложило уши.

Справа посыпались осколки разбитых панелей, и все стихло.

– Пронесло... – выдохнул кто-то рядом, а затем Нику сунули переговорную трубку.

– Алле! Вы там что – воюете?

– Кто это? – не понял Ник, все еще не пришедший в себя после стрельбы над его головой.

– Это мистер Ламберт?

– Да, это я.

– С вами говорит Эдгар Хубер.

– Тот самый? – начал понимать Ник.

– Да, мистер Ламберт, тот самый. Я хочу предложить вам работу.

– Но у меня уже есть работа. Меня берут в «Пасифик-Лайн».

– Наплюйте на это, Ник. Я предлагаю вам пятьсот тысяч в год. Таких денег вы ни в каком «Пасифике» не получите.

– Пятьсот тысяч в год? – не поверил Ник. Однако тут же вспомнил ресторан, в котором он обедал с Аткинсом, и оркестр, и фонтанчик с чистым рэлси. Правда, у Генри не было такой

красивой формы, как у пилотов «Пасифика», но толщина кошелька легко компенсировала этот недостаток.

– Ну так что скажете? – напомнил о себе Хубер.

– Я должен подумать, сэр.

– Это исключено, Ник. Вы должны немедленно приступить к обязанностям, поскольку, кроме вас, в конвое нет ни одного дипломированного пилота.

– Но, сэр! – В Нике начали просыпаться дух противоречия и высокоразвитое чувство собственного достоинства. – Но, сэр, вы обязаны дать мне время подумать! Согласно Кодексу транспортных и иных перевозок.

Хубер не знал, что ответить. С одной стороны, он мог приказать умертвить этого молодого человека, но за подобное потакание собственным эмоциям пришлось бы занести немалую сумму в статью убытков. А этого сэр Эдгар вовсе не хотел.

– Хорошо, мистер Ламберт. Даю вам подумать один месяц, а пока будьте добры – исполняйте обязанности капитана-пилота. На время замещения Аткинса вам будет выплачиваться жалование в уже указанных пределах... А теперь передайте трубку мистеру Ламброзо.

Ник настолько ошалел от всех этих предложений, выстрелов и шума, что просто выполнил просьбу вежливого мистера Хубера.

– Мистер Ламброзо, – позвал Ник, и тот сейчас же откликнулся, перестав пинать в живот несчастного Ричи.

– Я слушаю, сэр! – громко ответил он, морщась и потирая колено.

– Люк, начало очень плохое... Я бы сказал, просто дерьмовое начало...

– Так точно, сэр!

– Однако я думаю, что ты сумеешь взять ситуацию в руки.

– Непременно, сэр!

– Да не ори ты так... Просто слушай, что я говорю. Мальчишку нужно заставить работать. Я сделал ему хорошее предложение – место капитана-пилота, но он может попытаться качать права. Тогда вы его немножко попрессуйте, только чтобы не калечить. Ты понял?

– Понял, сэр! – с готовностью подтвердил Ламброзо, хотя не очень хорошо представлял, как можно прессовать, чтобы не калечить. Лично у него так не получалось.

«Значит, буду над собой работать», – решил Люк.

– Ну, раз понял, отбой связи. И смотри не подводи меня...

– Так точно, сэр!

Закончив переговоры, Ламброзо медленно, чтобы было время подумать, убрал прибор транслирующей связи в чехол, подошел к Нику и, протянув ему руку, громко объявил:

– Поздравляю с назначением, сэр! Желаю успехов в личной жизни!

– Спасибо, – ответил на рукопожатие Ник. Затем поднялся, оглядел присмиривших охранников и добавил: – Надеюсь, мы сработаемся.

В голове Ника Ламберта начало проясняться, и он понял, чем ему грозит отказ от пилотирования этого конвоя.

Глава 12

Треугольник Судак – Червонец – Зуфар был печально известен как место, где очень часто пропадали торговые суда. Этот Треугольник мог поглотить целые караваны, если их владельцы сэкономили на хорошей охране и надеялись только на купеческую удачу.

Обойти это беспокойное место было трудно, поскольку приходилось делать крюк, удлиняющий путь в несколько раз. К тому же периферийные области этого треугольника были нестабильны и помимо огромных скоплений мигрировавших астероидных масс изобиловали гравитационными ямами и РН-ловушками. Вот почему многие все же шли на риск, прорываясь на скоростных уиндерах, напичканной аппаратурой создания помех.

Несколько раз отдельные соединения флотов тех или иных государств пытались наказать местных разбойников и обезопасить переход для торговых судов, однако даже после поражения грабители быстро восстанавливали силы, а случалось, и сами атаковали военные корабли и захватывали их в качестве трофеев.

Пострадавшие жаловались правительству Союза Двадцати Семи, в которое формально входили эти три планеты, но там только беспомощно разводили руками. Руководство разбойничьего анклава не поддавалось никакому контролю, а при случае напоминало, что может вдребезги разнести силы безопасности Союза. На этом все разговоры о принятии мер и заканчивались.

Тайные операции, ставившие целью физическое уничтожение лидеров Треугольника, тоже не давали результатов, поскольку генералы разбойного бизнеса жили не на планетах, а на своей главной базе «Революшн-II», где были сосредоточены немалые силы Треугольника.

Жизнь на базе не замирала ни на секунду, военные чины всех уровней постоянно принимали информацию, отдавали распоряжения, совещались и уходили спать, когда заканчивалась их смена.

Сотни тысяч служащих пониже рангом обслуживали проходящие из походов корабли, осматривали привезенные трофеи и сортировали пленников, часть которых шла на обучение курьерской работе, а остальных спускали на планеты Треугольника. Там, среди бескрайних полей и болотных пустошей, выращивались миллионы тонн наркосодержащих культур, которые перерабатывались на месте и поставлялись во всех направлениях.

Специальный департамент разбойничьего анклава разрабатывал маршруты доставки наркотиков, а также отслеживал конъюнктуру рынков и потребительский потенциал тех или иных планет. Он располагал мощнейшей сетью тайных агентов, которые осторожно управляли процессами сбыта и устраняли возникавшие на местах проблемы.

Глава 13

Команданте Йоган Нагель любил это время года. Осенью база как-то преображалась, в ней появлялись незаметные прежде краски и даже запахи.

Корабли приходили с большим количеством трофеев, а поставки наркотиков увеличивались, что и позволяло команданте проводить аналогии с временем обильной осенней жатвы.

В дверь негромко постучали.

– Входите, камрад, – разрешил Нагель, и в его богато обставленный кабинет вошел камрад-майор Ульрих Шанц.

Шанц ведал отделением технической разведки, его усилиями Треугольник перехватывал даже самые «невидимые» корабли, оснащенные генераторами отрицательной S-поляриности.

– Ну так что у нас новенького? – спросил команданте. – Кажется, какие-то очередные невидимки? – добавил он, вспоминая недавнее сообщение Шанца.

– Так точно, команданте Нагель. В районе планет Новая Каледония и Деркач наш поисковый зонд обнаружил несколько судов. Вначале мы приняли это за гравитационную аномалию, но позже, после дополнительной расшифровки сигналов, получили кое-какие результаты. Я принес этот файл.

И Ульрих продемонстрировал дискетку.

– Хорошо. Прошу вас, – сказал Нагель, указывая на развернутый во всю стену демонстрационный экран.

Камрад-майор вставил дискетку в приемное устройство, и на белом экране появились сгустки черного цвета.

– И это все? – удивился команданте.

– Нет, это первоначальная картина, до обработки ее дешифратором с параллельным дифракционным сканированием второго порядка, которое...

– Хорошо, хорошо, майор, – перебил его Нагель, – продолжайте дальше.

– Одним словом, команданте, вот полученная картина.

Шанц покрутил ручки настройки, и черные пятна постепенно приобрели формы боевых кораблей несколько нетрадиционной формы.

– Интересно! – громко произнес Нагель и, поднявшись из-за стола, подошел к экрану ближе. – Это чьи же красавцы? И как они оказались у нас в тылу?

– Судя по эффективности маскирующих технологий, это корабли Объединения Англизонских Миров. Только им по силам сделать что-то подобное.

– Однако корабли не такие уж и большие, а, майор?

– Полностью с вами согласен, команданте. Нужно показать им, что мы все видим и обмануть нас невозможно. К тому же неплохо бы захватить эти суда в качестве трофеев. Представляете, как упростился бы процесс поставки наших товаров?

– Ульрих! Дорогой мой Ульрих! – вскричал команданте Нагель. – Да ведь это ценнейшая идея! Я немедленно вызову камрад-генерала Москович. А вы, пожалуйста, приготовьте программы и все необходимые штучки, чтобы корабли экспедиции могли засечь эти суда.

– Уже все готово, команданте, – ответил Шанц и скромно потупил глаза.

– Ульрих! – Нагель всплеснул руками. – Ну слов нет, какой вы молодец. Думаю, бонус к празднику вам обеспечен.

– Служу Революции! – выкрикнул камрад-майор и звонко щелкнул каблуками.

– Вы свободны, – кивнул Нагель, и майор ушел, оставив демонстрационную дискету.

Дверь захлопнулась, команданте постоял еще несколько секунд в раздумье, потом хлопнул в ладоши и сказал себе:

– А все-таки я молодец.

Затем нажал кнопку интеркома и скомандовал:

– Начальника военного планирования ко мне.

– Слушаюсь, команданте, – ответил голос сотрудника секретариата, а спустя полминуты в кабинет Нагеля без стука вошла камрад-генерал Эльза Москович.

– Вы, как всегда, не стучитесь, генерал, – с укоризной заметил Нагель.

– Могу выйти и постучаться, – предложила Москович.

– Да ладно, – махнул рукой Нагель. – Садись.

Эльза присела. Нагель отметил, что даже сейчас, как и тридцать лет назад, она была в хорошей форме, а военный китель ее только молодил.

– На базе осень. Ты заметила? – издали начал Нагель.

– Да, листья клена падают с ясеня...

– Листья клена – с ясеня? – не понял команданте. – Как это может быть?

– Это такая шутка, Йоган. Дай закурить.

– Ты куришь?

– Только последние тридцать лет. Ты разве не знал?

– Знал, конечно. Бери – в ящичке есть сигареты, сигариллос и даже торфяные манфан.

Понаблюдав за тем, как голова Эльзы окутывается сизым дымом, Нагель указал на демонстрационный экран и сказал:

– Вот для тебя новая работа. Нужно захватить эти суда, а если не получится, то уничтожить их.

– Уничтожить? – переспросила Эльза.

Она поднялась со стула и, подойдя к экрану, стала внимательно рассматривать силуэты чужих кораблей.

– Чьи это машины? – после минутного созерцания спросила она.

– Неизвестно, но, скорее всего, англосонские. Только им под силу такие высокие укрывающие технологии. Отдел технической разведки сумел обнаружить их только с помощью каких-то очень жутких расчетов. Шанц пытался объяснить мне, но я его остановил.

– Не нравятся мне эти штучки. Погано выглядят.

– Как бы они ни выглядели, захватить их просто необходимо. С такими судами мы сможем доставлять товар под носом у полицейских заслонов.

– М-да, – неопределенно ответила Эльза.

– А знаешь, что я тебе скажу? – улыбнувшись, добавил Нагель.

– По тону догадываюсь, – без энтузиазма отреагировала Москович.

– От тебя ничего не скроешь, – усмехнулся команданте. – Однако твоя корма действительно привлекает внимание. Что, если мне немножко причалить к ней?

– Ты вождь, Йоган, – обернувшись, произнесла Эльза. – Ты наш политический лидер, поэтому оставь мысли о причаливаниях. Это все в прошлом.

– Да, я понимаю, – согласно кивнул Нагель. Они помолчали, потом Нагель заговорил снова: – А помнишь, на Онслейме мы взорвали универмаг со всеми этими долбаными покупателями, а потом пошли в кафе, где подавали мороженое с клубничным джемом.

– Помню, – грустно улыбнулась Эльза. – Ты читал мне стихи Берджеса, а потом мы пошли в гостиницу и занимались сексом до самого утра...

– Надо же, ты тоже все помнишь, – с чувством проговорил Нагель.

– Я-то помню, а ты не очень. Было это не на Онслейме, а на Дижанейро. А на Онслейме мы взорвали здание аэропорта, а потом два часа просидели в мусорном контейнере, пока вокруг шныряли сотрудники англосонской контрразведки... Но ты и там уговорил меня заняться сексом.

– А потом ты мне изменила с Билли Рекодером, – с обидой напомнил Нагель.

– Билли умирал, Йоган! Прошел через все круги контрразведки и никого не выдал. Такому герою требовалась поддержка.

– Да, но умирал он целых три месяца... – сухо заметил Нагель.

Эльза ничего не ответила. Она подошла к столу, достала из табачного ящичка еще одну сигарету и, прикурив от окурка предыдущей, сказала:

– План экспедиции будет готов через два часа. Если это все, я пойду.

– Да, – кивнул команданте. – То есть нет. Есть еще одна задача, более масштабная, но не срочная. Через месяц у нас появится возможность перехватить англизонский конвой с сорока тысячами танков «паккард».

– Хорошая новость. Только наверняка там не обойдется без охраны. И, кстати, куда везут столько танков?

– В Прибрежные Миры...

– В Прибрежные Миры? – переспросила Московиц. – Интересно, на какой же планете там могут происходить такие войны, если им понадобилось столько техники? Я навскидку могу назвать десяток самых обжитых косогоми планет, но эти дикари выращивают репку и не думают ни о каких войнах. Иначе бы мы знали...

– В любом случае мне нужны эти танки...

– Насколько надежна твоя информация?

– Ты стала слишком подозрительной. Источник вполне надежен.

– Я его знаю?

– Косимов.

– Да, я о нем слышала. Страшное существо. В наше время мы были более человечными.

Когда Эльза ушла, Нагель снова впал в созерцательное размышление о безвозвратно ушедших возможностях. Безусловно, теперь он был велик, как никогда прежде, но это величие существенно урезало перечень доступных удовольствий.

Дела требовали, чтобы Нагель постоянно находился на космической базе, обстановка на планетах с точки зрения безопасности оставляла желать лучшего. Несколько дней назад на Червонце был убит очередной двойник команданте. Нагель уже и не считал, который по счету.

– Команданте, позволю себе напомнить – у вас через десять минут встреча с депутацией региональных комиссаров, – донесся из интеркома голос сотрудника.

– Да, я помню, – соврал Нагель. За размышлениями о сущности субъективного бытия он совсем забыл о частностях.

Встреча с комиссарами, посещение учебного центра, а потом разговор с главным технологом и еще осмотр прибывшей военной техники.

Стараясь не пересчитывать, сколько всего за сегодняшний день нужно переделать, команданте широко зевнул и вышел в приемную, где сидели две девушки из предпоследнего набора – Анни Скорцезе и Хлоя Фарватер. На секретарш в традиционном понимании они походили мало. Их выдавали широкие плечи и холодные глаза убийц.

При появлении команданте обе тотчас поднялись, намереваясь сопровождать Нагеля в путешествии по базе.

– Машина здесь? – спросил он.

– Прибыла полторы минуты назад, команданте, – сообщила Хлоя.

– Тогда поехали, – распорядился вождь и подождал, пока девушки встанут надлежащим образом – одна впереди, а другая позади него. Другого вида передвижения по базе не предполагалось, таковы были издержки режима безопасности.

Прежде таких методов не применялось, но после того, как год назад предотвратили попытку покушения на команданте, было решено ходить только цугом – как запряженные гужевые животные.

Как выяснилось позднее, никакого покушения не было и тот, кого приняли за рванувшегося к команданте диверсанта, оказался членом партии с семилетним стажем, механиком виртуозных узлов Кукисом. Бедняга был недавно переведен на центральную базу и, увидев команданте собственными глазами, не сдержал сыновнего порыва, за что и был несправедливо уничтожен.

Впрочем, пока выясняли все подробности, служба безопасности, да и сам Нагель привыкли к движению цугом, а накачанные ягодицы телоохранниц даже внушали команданте политический оптимизм.

Вот и сейчас он смотрел на монолитный, словно высеченный из твердых пород зад Хлои Фарватер и проникался уверенностью в справедливости выбранных идеалов.

Команданте невольно сравнил Хлою с генералом Московиц и отметил, что Эльза, хотя и разменяла шестой десяток, выглядела как-то поизыщнее, а вот молодая Хлоя...

«Лошадь – она и есть лошадь», – мысленно заключил Нагель, когда они вышли на небольшую площадку, где их ожидал представительский электрокар.

Заметив своего «главного пассажира», личный шофер команданте Макс с неприличной фамилией Пистонов вышел из машины и улыбнулся Нагелю, скривив изуродованные губы.

– Рад тебя видеть, камрад, – кивнул ему Нагель.

– И я рад! – честно признался ветеран. Он был немногим моложе команданте и генерала Московиц, однако пострадал на одном из заданий, где во время непредвиденного взрыва ему напрочь оторвало голову.

Позже – в больнице – голову Макс ушили, однако он потерял память и долгое время считал себя фермером с планеты Деркач, где у него была ферма по разведению сенегальских ежиков.

Через два года товарищи из сопротивления отыскали Макса и вернули его в организацию, а поскольку он уже не мог работать по специальности, его поставили водителем команданте. Благо Макс превосходно водил электрокар.

– У нас только две минуты, дружище! – бодрым голосом объявил Нагель, и, едва он уселся на пышный диван, кар стартовал с места и помчался по путаным коридорам, разобраться в которых с ходу могла только шитая-перешитая голова Макса Пистонова.

За двадцать секунд до встречи с депутацией электрокар заскрежетал тормозами возле входа в церемониальный зал.

– Отлично, солдат! – похвалил водителя Нагель, хотя испытывал слабую тошноту: полет на каре сквозь туннели не был излюбленным развлечением команданте.

Снова упершись взглядом в ягодицы Хлои, Йоган Нагель покинул салон, но тут вдруг заметил, что теперь впереди идет Анни Скорцезе. Это наблюдение поразило команданте.

«Странная игра природы, – подумал он. – Лица разные, а „обратная сторона медали“ у обеих одной чеканки. Близнецы в своем роде».

Глава 14

Депутация регионов встретила появление команданте Нагеля бурными аплодисментами. Что ж, этого и следовало ожидать.

Йоган давно привык к проявлению безмерной любви и всеобщего почитания, поэтому лишь по-идиотски раскланялся и зачитал «Обращение к революционным массам», практически неизменный текст, повторяемый им из года в год на подобных встречах.

Потом начались многочисленные доклады. Дважды за время мероприятия команданте звонили. Оба раза отвечала Хлоя, а потом передавала трубку Нагелю.

Первый раз это был главный судовой инженер, сообщивший, что флагман «Габой» вернулся с большой пробоиной, а второй раз звонил технолог Банкок. Он нес какую-то чепуху, что было следствием его привычки испытывать товар на себе. Нагель не стал с ним разговаривать и сказал, чтобы тот приходил в доки.

Вскоре встреча с комиссарами закончилась, и в заключение на шею команданте Нагелю повязали почетную Черную Веревку народного мстителя.

На том и расстались. Команданте снова запрыгнул в машину и в сопровождении Хлои и Анни помчался в доки, где, кроме осмотра новой техники, предстояло оценить полученный флагманом ущерб.

Макс Пистонов снова погнался электрокар с бешеной скоростью, однако это мучение быстро кончилось – до доков было рукой подать. Машина выскочила в огромное пространство ремонтных цехов, и яркий свет вместе со звуками работавших механизмов заполнили все вокруг. Не помогала даже шумоизоляция салона.

Кар остановился возле главного судового инженера и группы камрадов с борта «Габоя». Щелкнули замки, открылись дверцы.

Хлоя и Анни, как две хищные рыбы, бросились к офицерам и быстро их ошупали, но не обнаружили опасных предметов. Впрочем, табельное оружие военных всегда оставалось на борту судна, поэтому тщательный обыск ничего не давал.

– Показывайте, – без долгих вступлений произнес Нагель, и судовой инженер повел команданте к высившемуся до самых потолочных балок корпусу флагмана.

Это был сравнительно новый корабль, который переделали в крейсер из скоростного танкера. Вооружение у «Габоя» было самое новое, и много раз от действий этого корабля зависел перелом в боевых столкновениях.

– Вот здесь, команданте, – остановился инженер, и Нагель едва не ахнул от того, какой огромной оказалась эта пробоина, к счастью, находившаяся только в кормовой части судна. – Площадь пролома двести квадратных метров, нарушено семь переборок, потеряно десять процентов балластной массы.

– Что же это было? «Габой» не должен был участвовать ни в каких столкновениях.

С этим вопросом Нагель обратился к его капитану, камраду-полковнику Пуансону.

– Так точно, команданте! – вытянулся Пуансон, а вместе с ним и другие присутствовавшие офицеры. – Повреждение было получено из какой-то засадной позиции в районе Прибрежных Миров.

– Опять Прибрежные Миры! – воскликнул Нагель, стараясь перекрыть грохот механических молотков и треск электросварки. – Где конкретно?

– Возле малой луны планеты Деркач, команданте.

– Ну и чем же так смогли? Торпедой?

– Торпеды не было, команданте. Но что это такое, я не знаю.

– А вы? – обратился Нагель к инженеру, и в его голосе почувствовалось раздражение.

Хлоя и Анни подошли ближе, словно ожидая, что команданте отдаст приказ прикончить их на месте.

– То... точно я сказать не могу, – испугавшись, начал заикаться инженер, – но сы... следов взрывчатых вы... веществ на краях пробоины не обнаружено. Они даже не оплавлены, как бывает пы... при поражении боевыми лых... лазерами... Похоже на гравитационный удар, команданте.

– Гравитационный удар? – переспросил Нагель и еще раз посмотрел на провал в боку флагмана. – Разве такое возможно?

– Теоретически – да, – несмело ответил инженер и пожал плечами.

– Ну ладно, – после минутного молчания произнес Нагель. – Довольно о грустном, покажите мне новые машины.

– О, – преобразился инженер, – это сы... удовольствием.

Он сделал рукой знак, и к ним подъехала обычная тележка для транспортировки узлов и механизмов. Для теперешнего случая она была тщательно вымыта, и на ней стоял мягкий стул – специально для команданте.

Места на платформе хватило только Нагелю, телохранительницам и инженеру, а офицеры с «Габоя» побежали следом, поскольку никто не сказал им, что они свободны.

Водитель тележки во все глаза смотрел то на Нагеля, то на сопровождавших его девиц и никак не мог определиться, кому же из них он рад больше. Из-за этого тележка слегка повиливалась и скрипела на поворотах.

После недолгого путешествия вдоль очереди стоявших в доках судов платформа притормозила возле нагромождения выкрашенных в синий цвет контейнеров, на которых были написаны лозунги чипсовой компании «Гиг & Кекс» – «Хрусти чипсой – будешь сыт и рад, перестанешь гонять карманный бильярд!»

Слог и тематика были сродни монстрам жвачного бизнеса вроде компаний «Орбиминт». Их продукцию команданте ненавидел и, несмотря на усилия своего лечащего врача, никак не мог забыть слоган «Жувачка без соли как конь без фасоли!»

– Ну и что таится под личиной этого империалистического дерьма? – строго спросил он.

– Одну минуточку, команданте! Вот сюда, пожалуйста.

Инженер провел Нагеля между контейнерами, и вся компания оказалась на небольшом пространстве, где стоял извлеченный из контейнера и полностью укомплектованный штурмовик «фархад».

– Какой красавец! – не сдержался Нагель и, подойдя ближе, дотронулся до полированного борта машины.

Чтобы купить «фархады», пришлось провести долгую цепочку подложных контрактов, пока штурмовики не попали на Треугольник. Перед этим были попытки купить сотню «интерфайтеров» у англизонских продавцов. Однако их контрразведка вовремя определила, кому предназначались эти машины.

И вот теперь – удача.

Глава 15

Через три дня, довольно спокойных во всех отношениях, конвой вышел к базе «Нордстоун», месту базирования 6-го Ударного флота.

Сама база располагалась далеко от коммерческих линий, однако ее вспомогательные суда постоянно прочесывали близлежащее пространство.

Тральщики выцеживали в космосе забытый «купцами» мусор, суда военной полиции следили, чтобы транспорты не выходили из заявленных коридоров, а быстрые миноносцы в случае необходимости легко настигали нарушителя, чтобы выписать ему астрономический штраф.

– Скоро подойдет прикрытие, – задумчиво произнес Джек Уиллис, заместитель Ника, глядя в лобовой иллюминатор. В лице этого человека Ламберт нашел надежную поддержку и оттого стал чувствовать себя намного увереннее.

– Нам придется сбросить скорость? – поинтересовался он.

– Нет, флотские суда достаточно мобильны. Они пристроятся в любых условиях. Да что я вам говорю, сэр, вы же эти порядки знаете.

Сверкнув факелами форсажных струй, поперек курса конвоя промчалась четверка «интерфейтеров».

– Отличные машины, – расцвел Ник. – Я на таких летал и даже сдал на квалификацию.

– Вы же гражданский пилот, сэр, – удивился штурман Форсайт, который из-за болезни побитого Быковского тянул все смены в одиночку.

– Да, основной профиль – гражданские суда, но, когда нам предложили позаниматься на дополнительных курсах, многие изъявили желание. Я в том числе.

– Ну и как вам скорость?

– Поначалу было трудно, – признался Ник. – Перегрузки – вещь очень неприятная. И потом этот нейтрализатор... – Ник поморщился. – Приходилось выпивать его до пяти литров за раз.

– И на что это похоже? – поинтересовался Уиллис, тоже невольно морщась.

– На машинное масло, приправленное черным перцем...

– Я б слеванул, – сказал штурман.

– Всякое бывало, – согласился Ник. – Однако перед тем, как пить нейтрализатор, мы принимали антирвотные порошки. После них можно было пить хоть мочу – отвращения никакого.

– М-да, – протянул штурман. – Когда видишь, как эти штуковины носятся туда-сюда, кажется, что они какие-то сверхсущества, летучие кони. А выясняется, что романтикой тут и не пахнет.

– Не пахнет, – согласился Ник.

– «Кокодрилос 2-4-15», – гнусавым голосом диспетчера пророкотал динамик.

– Я «Кокодрилос 2-4-15», – отозвался Уиллис, который, как самый опытный, сидел на контроле.

– У вас поворот на двадцать четыре градуса три минуты – помните?

– Помним.

– Ну-ну, – подвел черту диспетчер и исчез.

– Чего это он? – удивился Ник.

– А скучно ему, – пояснил Уиллис. – Сидит небось один в крохотной кастрюльке, и никаких развлечений. Вот он и перебрасывается фразами с проходящими командами, чтобы совсем с ума не сойти.

– А что, бывает, сходят?

– Да сколько угодно. Нас однажды сумасшедший диспетчер на гравитационную яму вывел. Чуть там не остались.

– Правда? А что же с ним потом было?

– Повязали его. Зафиксировали как миленького, но он, говорят, еще и отстреливался...

– Ужас, – покачал головой Ник. Ему не хотелось, чтобы в первом же рейсе его конвоем достался сумасшедший диспетчер. Это было бы уж слишком.

В этот момент стены рубки слегка завибрировали, и судно плавно отработало поворот. «Вот бы и в тот раз так», – вспомнил Ник приключение трехдневной давности.

Если бы тогда корабль развернулся так же плавно, у Ричи не сорвало бы спусковой крючок.

Сейчас о тех страшных минутах напоминали только следы от пуль на стене да оставшиеся в креплениях куски смотровой панели.

– «Кокодрилос 2-4-15», – снова стал вызывать диспетчер.

– Я «Кокодрилос 2-4-15» – слушаю, – отозвался Уиллис.

– У вас был поворот или нет?

– Только что был, – подтвердил помощник.

– Точно был?

– Да точно был! – не выдержал тот.

– Ну и ладно, – после некоторой паузы сказал диспетчер. – Чего орать-то.

И отключился от связи.

– Похоже, он тоже того... – почему-то шепотом произнес Ник и покрутил пальцем возле виска.

– Похоже, – вынужденно согласился Уиллис. – Однако надеюсь, сэр, что мы успеем проскочить.

– «Кокодрилос 2-4-15»!!! – снова заорал динамик. Все в рубке вздрогнули от такой громкости, а Ламброзо примчался из коридора с автоматом наперевес.

– Ну, я, – ответил Уиллис с полной уверенностью, что крыша диспетчера окончательно протекла.

– Головка от буга! – прокричал в ответ динамик и заржал нечеловеческим голосом. – Майор Бусс на связи, 6-й Ударный флот! Сопровождение заказывали?!

– Не-ет, – ответил Уиллис, однако тут же очнулся и закричал: – То есть да – заказывали!

– Не стоит нервничать, ребята. У меня приказ беречь вас как собственный... Одним словом, поступаю в ваше распоряжение и сегодня после смены наносу вам визит.

– Добро пожаловать, майор, – взяв инициативу в свои руки, ответил Ник. – У нас ужин в половине девятого.

– Не-е, я привык раньше.

– Придется подождать. И впредь, пожалуйста, не высказывайте свои пожелания, если вас об этом не попросит старший по должности.

Уиллис схватился за голову. Он был уверен, что этот сорвавшийся с цепи майор сейчас что-то такое выкинет, однако после долгой паузы флотский хулиган заговорил уже совсем другим голосом:

– Я прошу прощения, сэр... Я не знал, что вы... Сэр...

– Будем считать, что ваши извинения приняты, майор. Ждем вас в половине девятого.

– Слушаюсь, сэр. Прикажете прикрыть конвоем по восьмому статусу?

– Да, майор, прикрывайте.

Почти тотчас на радаре появилось не менее двух десятков крупных меток, которые выплыли словно из ниоткуда. Самый большой корабль прошел вдоль конвоя, и головной транспорт качнуло тяжелой гравитационной волной.

– Почему мы их не видели?! – удивился пораженный штурман.

– Они подошли в режиме локационного подавления, – пояснил Ник. – Этот майор большой шутник.

– Но вы его... капитально прижали, сэр, – с чувством произнес Уиллис. – Честно говоря – не ожидал.

«Я сам не ожидал», – подумал Ник, затем обернулся и, заметив Ламброзо, строго спросил:

– А вы почему ворвались без стука?

– Я? – Ламброзо растерялся. Он чувствовал, что начинает испытывать робость перед этим мальчишкой. – Я стучал, сэр, но, видимо, тут был шум...

– Что этот ваш Ричи? Выяснили, что с ним произошло?

– Так точно, сэр! – прокричал Люк, радуясь, что тема разговора сменилась. – У него бобовая лихорадка, сэр!

– Какая лихорадка? – не понял Ник.

– Бобовая, сэр. Такое случается с моими парнями, сэр, ведь среди них нет никого, кто бы просидел в яме меньше десяти лет. Элита, одним словом.

– Ну что же из этого? При чем здесь лихорадка? – не понял Ник и переглянулся со штурманом и Уиллисом.

– Так ведь в тюрьме бобами кормят, – радостно улыбаясь, продолжил Люк. – Год – бобами, два – бобами, и так до самого звонка. Кисель и тот бобовый дают. Поэтому, когда наш брат на волю выходит, у него зависимость остается – бобовая. Отсюда и множество проблем. Вы бы видели, сэр, как накидываются парни на любимые бобы, когда снова в яму возвращаются...

– А как же ваши люди здесь служат, если они стали бобозависимы?

– Очень просто, сэр. Я даю им бобосодержащие таблетки – и все дела.

– А Ричи не давали?

– Ричи тоже давали, но у него обострение началось, и одной таблетки оказалось мало.

– Понятно. А как там Быковский?

– Док говорит, что пошел на поправку. Завтра на смену выйдет.

«Ну, хоть одна хорошая новость», – подумал Ник, а вслух произнес:

– Ну хорошо, Ламброзо. Можете быть свободны.

– Спасибо, сэр, – поблагодарил Люк и вышел из рубки.

Глава 16

Лишь после обеда Нагель сумел-таки попасть в центр обучения. Безусловно, он мог и отказаться от столь насыщенного графика, однако терпеть не мог откладывать что-то на потом. К тому же центр обучения был его детищем. Именно Нагелю пришла эта блестящая идея совмещения полезного с очень полезным.

А суть гениального прозрения состояла в том, чтобы утилизировать получаемые людские ресурсы с большей эффективностью.

Например, если один кредит, вложенный в производство наркотиков, приносил пятьдесят кредитов чистой прибыли, то кредит, вложенный в доставку товара дилеру, приносил уже девяносто кредитов.

На «Революшн-II» было налажено производство одноразовых скоростных суденышек, которые перевозили до тонны чистого порошка. Пилотировали эти летающие торпеды несчастные пленники, которым таким образом предлагали обрести свободу. Проблема заключалась лишь в том, что на рубежах Треугольника стояли сторожевые корабли Объединения Англизонских Миров, а также других государств, старавшихся посильным образом перекрыть поступление наркотиков. Сторожевики знали о наличии в доставляющих капсулах пилотов-невольников, однако ничего не могли поделать. Ни на какие уговоры те не поддавались, а если их пытались удержать магнитными сетями, подрывали себя специальными пиропатронами.

Они четко выполняли заложенную в них программу – если тебя ловят, это новая несвобода, из которой больше нет выхода.

Проскочившие через заслоны капсулы тут же подбирались «нейтральными» судами, которые в международном пространстве уже не подлежали досмотру и аресту.

После введения подобного новшества в доставке товара к потребителю произошел переворот, и бюджет Треугольника стал расти как на дрожжах.

На курсах одноразовых пилотов стали выдавать красивую форму, улучшилось питание, а для более качественного психологического оформления цели снимались клипы-легенды про тех, кто проскочил заслон и, получив от Треугольника большие подъемные суммы, благополучно устроился во внешнем мире.

– А сейчас давайте поприветствуем нашего дорогого вождя и учителя команданте Нагеля! – громко объявил воспитатель, и слегка приторможенные от наркотиков люди радостно заулыбались, а потом пропели два куплета песни об Аскольде – юном бойскауте, который, познав свободу в интуитивном откровении, выпустил рыбок из аквариума и сжег дом своих родителей, подавляя таким образом свою генетическую предрасположенность к буржуазности.

– Здравствуйте, курсанты! Дети мои! – бодро поздоровался команданте, которого всегда заводила песнь об Аскольде.

– Здравству-у-уй-те! – совсем уже нестройно поздоровались те.

– Как идет ваша учеба?

– Ха-ва-шо!

– Желаю дальнейших успехов на вашем нелегком пути! Желаю поскорее искупить свою вину перед обществом!

– Обе-ща-ем!

Дальше пошло быстрее. Нагель скоренько пробежался по учебным помещениям, волоча с собой, словно гири на цепи, двух тяжелых телохранительниц, и выскочил к ожидавшему у входа электрокару с невозмутимым рулевым Максом Пистоновым.

Не дожидаясь столкнувшихся крупами Хлою и Анни, команданте молодежато запрыгнул в салон и с удовольствием наблюдал, как смутились от своей оплошности его охранницы.

Они загрузились с небольшим опозданием и дышали так, словно вручную толкали паровоз от Большара до Хэссиди.

– В ставку, Макс! – распорядился команданте, и водитель погнал машину по узкому туннелю.

Для обсуждения предстоящего рейда к Прибрежным Мирам в совещательном зале, находившемся по соседству с кабинетом команданте, уже собрались офицеры с боевых кораблей и лично камрад-генерал Московец.

Капитаны судов прониклись новостью о таинственных невидимках, и им не терпелось поскорее сцепиться с этими англизонскими новинками. Флотские соединения Треугольника испытывали острейшую неприязнь ко всему, что носило на себе печать ОАМ.

В ожидании прибытия высшего политического руководства офицеры вполголоса рассказывали сальные анекдоты и делились историями о том, как они истязали пленных англизонов.

– Когда мы ворвались на судно, живым там оставался только штурман, и знаете, что мы с ним сделали? Мы привезли его на базу и закинули в аквариум, где находились тридцать восемь спаривающихся хомяков... Парень был растерзан прямо у нас на глазах!

Между тем команданте уже двигался по коридору, на ходу обдумывая тезисы предстоящего выступления. Он намеревался зажечь капитанов идеей, которая...

«Которая, которая...» – повторял про себя Нагель, но мысль ушла, и только неизменная статья шедшей перед ним Хлои наполняла усталый разум команданте.

– Которая... – уже вслух повторил он и остановился, поняв, в чем причина внезапного скудоумия. Требовалось посетить туалет.

– Мы зайдем в кабинет, – объявил Нагель. – Я должен прихватить кое-какие записи.

Не говоря ни слова, Хлоя слегка изменила маршрут и вскоре остановилась возле двери, ведущей в приемную.

Провернув секретный эрзац-ключ, девушка прошла внутрь и, только убедившись, что в помещении нет ничего подозрительного, подала знак команданте.

Затем, по той же схеме, они проникли в кабинет Нагеля, где он и остался наедине со своими проблемами.

Наскоро посетив туалетную комнату, команданте рассеянно взглянул в зеркало и, продолжая думать о тезисах, помыл руки. Затем прошел через кабинет и, оказавшись в приемной, объявил:

– Ну вот, я готов.

Через минуту, входя в совещательный зал, Нагель обратил внимание на камрад-генерала Московец. На Эльзе были слишком тесные форменные брюки, а губы были освежены яркой помадой.

– Всем ли офицерам поставлена задача? – поинтересовался Нагель.

– Всем, команданте! – ответили капитаны судов.

– Тогда можете быть свободны, – сказал им Нагель, и капитаны потянулись к выходу. Пошла за ними и Эльза, однако тут команданте очнулся от наваждения и произнес:

– А вас, генерал Московец, я попрошу остаться...

Глава 17

Как и было обещано, командир сопровождавшей конвой эскадры прибыл к указанному часу.

Он перекинулся несколькими шутками со швартовой командой транспорта, затем угостил их сигаретами и перешел на территорию «купца».

В качестве сопровождающего лица майор Бусс прихватил сменного штурмана, подняв его с постели, и заставил тащить мешок, наполненный подарками.

Так они и появились вдвоем в кают-компании, где уже был накрыт стол и все офицеры, за исключением помощника Уиллиса, который был на вахте, ожидали появления гостей.

– Здравия желаю, коллеги. Майор Зигмунд Бусс и мой штурман Пивосас.

– Здравствуйте, майор, – приветливо поздоровался Ник Ламберт и на правах старшего предложил гостям садиться.

Затем кок принес слепого из желатина поросенка, а Бусс, в качестве ответного жеста, выложил на стол двадцать восемь пайков флотского довольствия, включая три бутылки армейского спирта «Баярд» и коробку сигар «Табачный павиан».

Тут же последовал первый тост – за флот ОАМ, затем за мужскую дружбу, а после уже по интересам – кто за что хочет.

Майор пил как лошадь или даже больше, однако его флотский организм был крепче стали. Алкоголь не только не разрушал его целостности, а, наоборот, повышал концентрацию и общий тонус.

– Я ужас как люблю к Треугольнику ходить, – признался майор, когда они с Ником уже перешли на «ты». – Спроси меня почему...

– Почему?

– Потому что я их не-на-виж-жу, – произнес майор и при этом сжал перед носом Ника свой кулак, демонстрируя тем самым степень своего чувства. – Они у меня друга убили восемь лет назад... И я им до сих пор мщу. Спроси меня как...

– Как? – спросил Ник.

– А вот если даже прохожу мимо – вне зоны прямой видимости, – так запускаю им то торпеду лишнюю, то минную сеть – пусть порадуются, сволочи. Ненавижу...

Между тем сидевшие рядом штурманы – выздоровевший Быковский и привезенный майором Пивосас тоже искали точки соприкосновения и беседовали на профессиональные темы.

В конце концов Быковский стал требовать от коллеги, чтобы тот обозвал своего майора «задницей», а тот не соглашался, заявляя, что не может, поскольку связан присягой.

Чтобы не дать ссоре разгореться, судовой врач по просьбе Ника подлил Быковскому в рюмку какой-то отравы, и тот после очередного тоста умчался в галюн.

Второй штурман Ламберта – Форсайт, который теоретически находился сейчас на вахте, – пил немного и оттого мог поддерживать разговор. В разгар веселья он рассказал, что в корме на приколе стоит новенький «интерфайтер» и что, если кто-то может им управлять, можно покататься.

Ник обрадовался такой новости и тут же признался, что умеет пилотировать такую машину. Впрочем, он понимал, что отправляться на прогулку в подобном состоянии нельзя.

– Тогда пойдем просто посмотрим, – предложил майор Бусс, и они отправились с инспекцией по транспортным трюмам.

Шнырявший в коридорах Ламброзо тоже увязался за ними, опасаясь, что господа офицеры нарушат опломбированные контейнеры. Однако опасался он напрасно. Пьяные приятели потолкались возле бокса с истребителем, потыкали пальцем в прозрачные панели, а потом пошли «нюхать танки», как сказал Ник Ламберт, поскольку вскрывать товар он не имел права.

Нюхать пришлось через дырку в пластиковой стенке.

Сначала хозяин, а потом и гость поочередно проделали это. Майор сказал, что танки воняют пылью, и Ник с ним согласился. Он тут же предположил, что танки не новые и их взяли прямо с полигона, не успев помыть.

На том и порешили и отправились в обратный путь, справедливо рассудив, что давать штурманам напиваться незачем.

Глава 18

Солнце Аваш еще только поднималось над горизонтом, поэтому все вокруг освещалось лишь ядовито-красными волнами полупотухшего светила Ном.

И в такую рань Лоренцо Фабиан уже шел на работу.

Он шурился и посматривал на Ном, который властвовал всю ночь, превращая ее в некое подобие гигантской фотолаборатории. Те из колонистов, кто прибыл недавно, боялись засыпать при алом свете Нома и привыкали долгими месяцами, пока не переставали замечать его кровавого отблеска. Но Лоренцо родился на Новой Каледонии и не представлял, что где-то все могло происходить совсем иначе.

Другое небо, другой ветер, большие города – обо всем этом можно было только мечтать. Мечтать и жить здесь, в прибежище терпеливых колонистов.

Пройдя последнюю улицу поселка, Лоренцо остановился возле окраинного домика, неухоженного строеньица, выглядевшего как и все муниципальные здания.

Единственным, что отличало этот дом от других, были огромная приемная тарелка и еще несколько ретрансляторов, прикрепленных к тридцатиметровой мачте.

Все в округе называли этот дом студией, но это был всего лишь передающий пункт, а Лоренцо, хотя и называл себя ведущим «Радио Восточного Лонгена», произносил в эфире всего пару фраз. Утром это было – «Доброе утро, начинаем наши передачи!», а вечером – «Спокойной ночи, мы прекращаем наши передачи». Вот и вся творческая работа. В остальном только слежение за аппаратурой, декодеры, мультиволновые характеристики и масса других вещей, до которых радиослушателям не было никакого дела.

Лоренцо открыл дверь, прошел на второй этаж и, просмотрев полосу приема, запустил тестирующие программы, которые устраняли помехи связи со спутником.

Пока что спутников было два, и транслировать удавалось только радиопередачи, но через пять лет власти Новой Каледонии надеялись скопить на телевизионный спутник, и тогда на планету должна была прийти настоящая цивилизация.

Программа благополучно провела тесты, на экран поступил отчет. Лоренцо подал команду на соединение и, сняв с полки наушники, надел их.

Сначала он слышал только мерные щелчки, затем компьютерный голос сообщил:

«До соединения одна минута».

И снова последовали щелчки.

Лоренцо посмотрел в окно. Красный цвет Нома начинал смешиваться с яркими лучами Аваша.

– До включения тридцать секунд... двадцать девять... двадцать восемь... – начала программа последний отсчет.

Наконец она отсчитала последнюю секунду, и Лоренцо, набрав полную грудь воздуха, произнес:

– Доброе утро. Начинаем наши передачи...

Глава 19

Черный корпус вставшего на орбиту крейсера закрыл половину желтовато-туманной Новой Каледонии, однако уродливые рыла его пушек оставались сонными. Первую скрипку сегодня играла летающая пехота.

Вереницы тяжелых десантных транспортов занимали свои места по готовности и ожидали последнего сигнала, чтобы включить тормозные двигатели и провалиться в вязкую атмосферу.

– Что со спутниками, Комэт?

– Первый взят на прицел орудиями моего крейсера, сэр. Ко второму подбирается рейдер «Джизвил»... Его сообщения поступят с минуты на минуту.

Последовала недолгая пауза, затем скрэмблеры затрепетали мембранами и выдали сообщение капитана «Джизвила»:

– Спутник JR-180 взят на прицел. Ждем команды...

– Спутник взят на прицел, господин генерал, – продублировал Комэт.

– И первый и второй? – осторожно осведомился генерал, который в этой операции рисковал личной репутацией.

– Так точно, сэр. Оба взяты на прицел...

– Открывайте огонь, – с оттенком обреченности произнес военачальник.

Он бы с удовольствием укрылся от навалившейся ответственности, однако это было невозможно и ситуация требовала решений.

С полной синхронностью на разных сторонах орбиты сработали орудия, и обломки спутников разлетелись кусочками блестящего серпантина.

– Планета изолирована, – доложил Комэт.

– Тогда вперед, теперь нас ничто не сможет остановить.

Десантным транспортам была отдана команда, и они в строгой последовательности начали сходиться с орбиты, устремляясь к поверхности беззащитной планеты.

А в это время там, внизу, в районе Восточный Лонген, десятки тысяч радиослушателей недоуменно крутили ручки своих приемников, а Лоренцо Фабиан раз за разом запускал тестирующие программы, но неизменно получал ответ: «Объект связи отсутствует».

Тогда Лоренцо стал ждать, пока из тени планеты выйдет второй спутник, который использовали сельскохозяйственные фирмы и полиция.

Но и этот спутник не отзывался, будто его не было вовсе.

Вскоре раздался телефонный звонок. Это был шериф поселка – Батхэм.

– Привет, артист.

– Здравствуйте, шериф.

– Слушай, ты не прощупаешь нашу связь, что-то я с округом не могу соединиться.

– И вы тоже? – удивился Лоренцо.

– Что значит «и вы тоже», приятель? – забеспокоился шериф.

– У меня радиопередача прервалась, и спутника найти я не могу. Хотел на ваш зацепиться, но его тоже нет!

– Что значит нет?! Ты хочешь сказать, что вся Новая Каледония осталась без связи?!

Ответить Батхэму Лоренцо не успел, поскольку в небе ударили раскаты грома, да такие сильные, что все здание радиостанции подпрыгнуло на месте.

На том конце связи шериф громко выругался и бросил трубку.

Вслед за первыми раскатами прогремели еще более сильные, а им на смену пришел непонятный звук, похожий на хоровой рев тысячи огнедышащих драконов.

Повалив стул, Лоренцо бросился к окну и в полукилометре, возле соевого поля, увидел огромную космическую машину, которая садилась прямо на посевы, с таким трудом поднятые в засушливый сезон.

– Да что же они такое делают?! – воскликнул Лоренцо, глядя, как под действием газовой струи плодородный слой целыми пластами взмывает в небо. Теперь этого поля, считай, больше не существовало.

Пробиваясь сквозь сплошной фронт ревушего шума, по улице прострекотал мотобип шерифа. Батхэм бесстрашно мчался навстречу неизвестному нарушителю, и его подпрыгивающая на сиденье фигурка казалась несоизмеримо малой по сравнению с раскаленной металлической глыбой, прибывшей из неизвестных миров.

Шериф еще не доехал до места приземления транспорта, когда распахнулось полдюжины широких ворот и из них по мостовым сходням начали скатываться низенькие колесные машины.

Одновременно с ними по отдельным сходням на обезображенное поле вытекала густая масса пехотинцев. Они тотчас грузились на автомобили и отправлялись вокруг поселка – с одной и с другой стороны.

– Да они же нас окружают! – дошло до Лоренцо. Он не понимал, кто это и зачем им окружать жалкий поселок колонистов, однако чувствовал, что это опасность, и опасность смертельная.

Между тем шериф Батхэм уже добрался до корабля и, соскочив с мотобипа, о чем-то беседовал с неизвестными.

Чтобы лучше видеть, Лоренцо достал из ящика свой старенький бинокль и теперь отчетливо видел, как нервно размахивает руками Батхэм.

Его собеседник – по всей видимости, какой-то командир – смотрел на полицейского сквозь щели опущенного забрала. Затем, видимо, утомившись от крика аборигена, он отвернулся и пошел прочь, а его солдаты подняли оружие, и Лоренцо даже зажмурился, когда от стоящего Батхэма полетели куски живой плоти.

Испугавшись, что и его сейчас увидят, Лоренцо упал на пол и забился под подоконник, растеряв сразу все мысли и не в состоянии предпринять ничего конкретного.

Сколько находился в этом ступоре, он не помнил и пришел в себя, лишь заслышав легкий скрип грунта под колесами десятков автомобилей. Колонна входила в поселок – это было ясно.

Песок прошелестел совсем рядом, а потом послышался удар – это хлопнули дверцы. И еще голоса. Нормальные голоса с обычной интонацией.

– Это какое-то недоразумение, – сказал себе Лоренцо. – Это какое-то недоразумение. Определенно – сейчас все выяснится... Сейчас все выяснится...

С первого этажа донеслись шаги тяжелой кованой обуви. Затем они прогрохотали по лестнице, и Лоренцо увидел – их.

– Это... Это недоразумение... – снова повторил он, обращаясь к высокому солдату с открытым скуластым лицом, правда, отчего-то очень бледным. – Мистер солдат... Что же случилось, мистер солдат? – с просительно-умоляющей интонацией в голосе простонал Лоренцо, однако никто из четверых поднявшихся на этаж не обращал на него внимания.

– Здесь естнь гхто нимудь енще? – странно коверкая слова, обратился к Лоренцо офицер – на его бронированном наплечнике был заметен особый золотой рисунок, а лицо оказалось даже не бледными, а каким-то серым, с узкой щелью вместо нормального рта.

– Я... Мы...

Решив, что его не поняли, офицер кивнул одному из солдат, и тот более внятно, однако все с тем же незнакомым акцентом повторил:

– Здесь есть кто-нибудь еще?

– Нет, мистер солдат, я здесь один, – почему-то обрадовавшись, ответил Лоренцо.

– Хорошо, – кивнул солдат. Он поднял оружие и, наведя его на Лоренцо, нажал на спусковой крючок.

Глава 20

После двухдневного марша эрцкрейсер «Хант» наконец вышел на безопасную сторону астероидного моря и лег в дрейф, ожидая, когда придут корабли, участвовавшие в операции «Мертвый город».

То, что задание было выполнено, адмиралу Урху уже доложили, однако ему требовалось выяснить еще какие-то тонкости в личных беседах с командирами.

Через неполных двое суток в район дрейфа «Ханта» вышли крейсер «Санджин» и рейдер «Джизвил».

Им наперехват тут же устремилась базировавшаяся на эрцкрейсере палубная авиация, однако вскоре выяснилось, что это действительно свои корабли, а не искусная маскировка, к которой иногда умело прибегал противник.

В сопровождении торжественного эскорта истребительных эскадрилий «Санджин» и «Джизвил» добрались до места и легли в дрейф недалеко от главного судна. Затем с них были спущены челноки, в которых проводившие операцию офицеры прибыли на борт эрцкрейсера.

Этот суперкорабль поражал своими размерами даже капитана крейсера «Санджин», судна, которое еще недавно считалось во флоте Урайи одним из самых больших.

С появлением кораблей класса «Хант» противник стал избегать открытых сражений и был вынужден перейти к маневренной войне.

– Как вам эта громада, полковник? Ревнуете, что теперь не вы самый большой во флоте? – поинтересовался генерал Матток, на ком лежала вся ответственность за операцию «Мертвый город». Как настоящий ураец, генерал разговаривал с янычаром немного снисходительно, хотя и старался упрятать это за кривоватой улыбкой. Впрочем, полковника это, казалось, не задевало.

– Нет, сэр. Ничуть не ревную. Я опытный офицер, и придет время, когда меня назначат командовать таким же судном. Если, конечно, я не сложу голову раньше во славу Урайи.

– Уверен, что все произойдет именно так, – кивнул Матток, и опять в его голосе проскользнула фальшь.

Челнок ткнулся в причальный терминал колосса, словно лодка в прибрежную скалу, и тотчас был поглощен огромной массой боевого гиганта.

Из-за размеров эрцкрейсера все перемещения внутри него происходили только на транспортных площадках. Исключение составляли лишь переходы внутри локальных зон обслуживания – там, где несли свои вахты наряды специалистов: электриков, навигаторов, радиотехников и ремонтников служб ракетного и артвооружения.

По большей части все они состояли из янычар, за исключением бригадиров и начальников среднего звена. Считалось, что ремесло легче давалось янычарам, а руководство ими поручалось настоящим урайцам.

Впрочем, в войсках не допускалось даже намека на разницу в происхождении, и во всех документах указывалось только имя и звание штатной единицы. Подробности же можно было увидеть только в медицинских картах, поскольку здесь разница была очевидной.

Встретивший полковника Комэта и генерала Маттока сержант четко отдал им честь и проводил на платформу. Затем набрал координаты яруса нужной секции и включил подачу.

Платформа мягко тронулась с места, а затем ускорила так, что генерал и полковник были вынуждены ухватиться за ограждающий поручень.

– Как будто целый город, – делился впечатлениями Матток. – Свой транспорт, военная полиция – шутка ли, двадцать тысяч одного только экипажа.

Полковник кивнул. Изнутри эрцкрейсер поражал еще больше, чем снаружи. Пучки силовых кабелей были похожи на складированные бревна, а внутри воздухопроводов легко могли разь-

ехать два автомобиля. Уличными магистралями выглядели транспортеры подачи боеприпасов, и чудом казались механизмы, позволявшие на ходу заменять поврежденные сегменты брони.

– До прибытия ровно пять минут, – с обыденной интонацией сообщил сопровождающий сержант.

Полковник и генерал невольно переглянулись. Матток даже почувствовал к этому янычару какую-то симпатию. В конце концов, Комэт действительно был отличным офицером и героем. Год назад во время сражения при Уэстэйде его судно дважды пытались взять на abordаж, и полковник, вооружившись гранатометом, лично участвовал в отражении атаки и даже подбил штурмового робота. В результате экипажу удалось продержаться до подхода помощи и abordажные суда противника были вынуждены отступить.

«Умереть за Урайю я, конечно бы, смог, – рассуждал генерал Матток. – Это мой долг, без вопросов. Однако бегать по ярусам с гранатометом на плече, рискуя нарваться на пиратский нож, – это уже нечто другое».

Наконец площадка остановилась, и сержант, первым выйдя на ярус, подождал, пока сойдут гости. Затем указал рукой на длинный коридор.

– Прошу вас, господа, осталось совсем немного.

И он пошел вперед, стуча подошвами по стальному рифленому полу.

Возле неприметной с виду двери провожатый остановился и, нажав кнопку, подождал несколько секунд. Дверь открылась, гостей принял лейтенант, личный распорядитель адмирала Урха.

Он завел офицеров в одну из небольших приемных и сказал:

– Прошу подождать, господа, адмирал скоро вас примет.

Матток предполагал, что адмирал Урх вызовет их с полковником отдельно, однако лейтенант-распорядитель пришел за ними обоими, а зал, в который они попали, оказался полон других посетителей – офицеров флотских и сухопутных частей.

Тем не менее адмирал отметил появление новых гостей и громко объявил:

– Прошу внимания! Вот и сегодняшние герои, те, кто обеспечил безупречный ход операции «Мертвый город».

Как оказалось, здесь происходило какое-то торжество, и только позднее знакомый Маттоку офицер сообщил, что празднуется день рождения министра флота.

Генерал был удивлен и сообщил о своем открытии полковнику Комэту. Янычар поразился не меньше Маттока, поскольку из-за этого нововведения они могли попасть впросак.

Тем временем адмирал подошел к ним и, улыбнувшись, пояснил:

– Это новшество, господа, так что не пугайтесь. Теперь мы будем праздновать день рождения министра каждый год... Надо сказать, министр знал, когда родиться. Ну а теперь о делах. Что, у нас на планетах Страны Варваров действительно никаких потерь?

– Боевых нет, сэр, – ответил генерал. – Есть двое погибших, но их задавило сорвавшейся с креплений машиной. Еще около двухсот человек пострадали в результате спешной высадки... Туземцы разбежались с поразительной быстротой, так что приходилось действовать в узких временных рамках.

– Ну, это неизбежно, – согласно кивнул адмирал. Он слыл чрезвычайно суровой личностью, однако сегодня у него было хорошее настроение. Впрочем, причины этого он тут же объяснил:

– Вам еще ничего не известно, но буквально час назад мы вернули контроль над Альвейрой и Сусексом. Еще с трех планет противник уйдет в ближайший месяц... Принято решение не мешать им – побережем своих солдат. Теперь вы понимаете, господа, почему я позволил себе глоток вина...

– Но, сэр! – не удержался полковник Комэт. – Альвейра и Сусекс – это едва ли не последние планеты, которые некогда нам принадлежали!

– Вот именно, полковник! – еще шире улыбнулся Урх. – Дальше мы будем двигаться только по территории врага.

– Тогда что же? Скоро войне конец? – удивленно произнес генерал Матток.

– Смотря что вы подразумеваете под словом «скоро», генерал, – заметил адмирал Урх. – Тем не менее возможно, что уже при нашей жизни урайский флот захватит их главную планету.

– В это просто трудно поверить, – произнес Матток. – Еще каких-нибудь полгода назад мы считали, что не доживем до победы, а теперь...

– Просто мы слегка переоценили ресурсы противника. И это неудивительно, ведь мы боялись его несколько столетий. В нашей психологии с самого детства закладывалась мысль о несокрушимости наших врагов. Об их коварстве и упрямстве. Но теперь их силы на исходе. Теперь, господа, наступил наш час.

– А что теперь будет с районом соприкосновения? Новая Каледония, Деркач? – поинтересовался Комэт.

– Район этот является для нас очень важным. Теперь там будет базироваться группа наших кораблей, которые должны непременно уничтожить любую цель. Мы должны создать у туземцев мнение, что это нехорошее место и там хозяйничают то ли разбойники, то ли темные силы. А то, что Прибрежные Миры не входят ни в одно из государственных образований, только упрощает нашу задачу.

– Но в конце концов кто-то заинтересуется и полезет в этот район, сэр. Туземцы очень любопытны, – заметил генерал Матток.

– Это так, но пару лет мы сумеем продержать их на расстоянии, а если повезет, то и все пять. За это время наше победное шествие примет необратимый характер, и вступление в войну нового участника, если это произойдет, ничего уже не изменит, тем более военные технологии Страны Варваров не слишком развиты.

– Однако они все же опасны? – уточнил генерал Матток.

– Конечно, опасны. Уже сейчас они могут выставить шестьсот тысяч условных боевых кораблей, а если поднатужатся, то дотянут и до миллиона. Такие силы могут изменить ситуацию. По крайней мере, замедлить наше продвижение к победе.

Возле беседовавших офицеров появился один из помощников адмирала и передал ему переговорное устройство.

Адмирал, прикрыв микрофон ладонью, произнес несколько коротких фраз:

– Вынужден вас оставить, но позже мы еще поговорим о прошедшей операции, а пока – выпейте за здоровье министра.

И Урх ушел, на ходу разговаривая с неизвестным абонентом.

Глава 21

Растопырившись во все стороны рукавами причальных терминалов, база «Революшн-II» напоминала спрута, возле которого ни на секунду не прекращалось движение.

Поисковые уиндеры возвращались с заданий, группы рейдеров уходили на преступный промысел, швартовые суденышки помогали толстопузым транспортам наилучшим образом встать на разгрузку.

«Суета, а все же какая скука», – подумала Эльза Московиц, пуская к потолку клубы синеватого дыма.

Однажды угасшие отношения с Нагелем, казалось, разгорелись с новой силой, но затем Эльза вспомнила, что она камрад-генерал и начальник отдела боевого планирования. Да и Йоган, если честно, давно уже не тот. Нет былого огня и былой силы.

Смешно было смотреть, как они, раздевшись, сидели еще несколько минут и ждали, пока на команданте начнут действовать принятые таблетки.

За эти несколько минут Эльза успевала передумать многое.

В дверь постучали. Генерал Московиц отошла от иллюминатора и, погасив сигарету в пепельнице, произнесла «входите».

Вошел камрад-лейтенант Ля-Рош. Он выглядел, как всегда, немного взъерошенным, однако дело знал хорошо, и Эльзе редко приходилось поправлять его.

– Через восемь минут связь с группой, мэ.

– Спасибо, что напомнили, лейтенант. В зале все готово?

– Так точно, мэ. Наши все на местах, люди из технической разведки тоже прибыли. Камрад-майор Шанц обещал быть чуть позже.

– Отлично, Ля-Рош. Идемте.

Идти было недалеко. Оперативный зал находился прямо под кабинетом Московиц, требовалось только спуститься вниз на один пролет.

При появлении начальника отдела планирования сидевшие за терминалами операторы зашевелились, задвигались и стали прятать обертки от жвачки и стаканы из-под кофе, стоявшие неммытыми целыми неделями.

Московиц поздоровалась со всеми разом и прошла на свое место – небольшой помост в самом углу зала, откуда были видны большие панорамные экраны и все сотрудники отдела.

– Четыре минуты до связи... – объявил один из операторов, отвечавший за синхронизацию сигналов.

– Карты у тебя? – спросила Эльза Ля-Роша, когда они уселись во вращающиеся кресла. Генерал всегда говорила лейтенанту «ты», когда начиналась боевая работа.

Ля-Рош подал ей пачку штурманских распечаток с подробными схемами построения рейдеров, нанесенными прямо на сетки с гравитационными параметрами всего района.

– Две минуты до связи...

Негромко скрипнула дверь, появился Ульрих Шанц. Эльза махнула ему рукой, и он быстро, почти бегом, направился к ней.

Московиц почувствовала укол беспокойства. Обычно Ульрих выглядел спокойнее.

– Что случилось? – спросила она, когда майор устало опустился на соседнее кресло.

– Кажется, там появились какие-то дополнительные «бабаи», – неопределенно ответил майор.

– Большие «бабаи»?

– Боюсь, что да. Похоже на крейсера...

– Хреново это, – произнесла Эльза.

– Да уж точно, – удрученно кивнул начальник технической разведки. Сейчас их рейдеры двигались на большой скорости, а при таких условиях радиосвязь была невозможна.

Оставалось только ждать специального «окна», когда командир группы Гаусс включит прибор транслинейной связи.

– Одна минута до связи... – предупредил оператор.

– Сколько у нас там спутников?

– Сейчас три. Но это устаревшие аппараты третьего поколения. «Апач» уже ушел и появится в этом районе только через четыре часа. С его помощью я и успел разглядеть эти новые тени, а потом он вышел из зоны, и теперь мы почти слепые.

– Не нужно было торопиться заходить в район, – тихо произнесла Эльза. Она уже жалела, что не уговорила Нагеля придержать рейдеры. Однако теперь было поздно.

– Десять... девять... восемь... семь... – начал отсчет оператор. Лейтенант Ля-Рош нервно прикусил карандаш. Услышав треск, Эльза покосилась на своего помощника, но ничего не сказала. Она напряженно ждала.

– Я камрад-полковник Гаусс! У нас очень мало времени для доклада! Есть цель, и мы ее немедленно атакуем! Какие-нибудь дополнительные сведения?

– Нет ли там больших целей, полковник?! – первым спросил Шанц. – Я имею в виду крейсеры!

– Крейсеры?! – последовала пауза. – Нет, только три судна среднего класса...

Послышался металлический щелчок, и это означало, что на рейдере сработало главное лазерное орудие.

– Оп! Поздравьте нас! Залп трех рейдеров, и один готов!

– Не забудьте, что вы должны захватить хотя бы один корабль! – напомнила Московиц, к которой возвращалось самообладание, а вместе с ним и служебная жесткость.

– Я помню, мэ... – отозвался Гаусс. В трюмах его рейдеров находилось три сотни отборных головорезов, проверенных на десятках абордажных операций. – Я помню мэ, я все помню, – снова повторил полковник, и его орудие опять ударило по далекой цели.

Глава 22

Атака началась удачно, первый англизон разом потерял корму. Второй пытался уйти с линии атаки, но рейдеры уже держали его на крючке. Полковнику не пришлось даже командовать, все капитаны сами знали, как делать свое дело, и второй англизон был так же быстро разделан под орех.

– Буч, ищи себе клиента! – напомнил полковник. Его реплика относилась к майору Краузе, на борту которого находилась самая опытная команда захватчиков. Другие команды были посланы в качестве резерва.

– Вижу справа на 15-4-28 пять штук... Буду брать ближайшего... Вот только через эту хреновину плохо видно...

Гаусс прекрасно понял своего коллегу. Под «хреновиной» Буч подразумевал новую панель с дешифратором, которой оснастили корабли перед самым выходом. Подобные устройства помогали обнаружить «невидимок», хотя, сказать по правде, приборы эти не справлялись. Бортовой компьютер не успевал обсчитывать параметры, и картинка выходила очень примерная.

Лишь опытность артиллеристов позволяла рейдерам поражать цели, однако во многом им помогала удача.

– Справа вверх на 23-47-00 непонятное движение! – подал сигнал капитан Фуджицу.

– Подтверждаю... – Это был Бамэ.

Полковник узнал его голос. Он тут же посмотрел на экран «невидимок» и заметил огромную тень. Однако больше это походило на работу станции активных помех. Видимо, англизоны вовремя поняли, на каких параметрах их начали засекать.

Между тем майор Краузе уже повел свой рейдер на «щелчок» – жесткое соприкосновение бортами, чтобы магнитные захваты сработали с гарантией.

Остальные одиннадцать судов открыли шквальный огонь из всех видов оружия – пусть не очень точно, зато достаточно для отвлечения внимания.

Было видно, как судно-жертва стало уходить, однако рейдер хорошо разогнался и уйти от него было нелегко.

Внезапно полыхнула яркая вспышка, и на «панели переключки», расположенной перед Гауссом, погасла одна из двенадцати лампочек.

– Кто? – закричал полковник, однако уже и сам понял – Краузе.

В следующее мгновение по его рейдеру прогрехотал страшный удар. Такой сильный, что рядом с полковником закричали, искривляясь, стальные перегородки.

– Бойлер, что там? – крикнул он штурману, поскольку внутренняя связь отключилась.

– Потеря герметизации, сэр.

– Командир, у тебя с правого борта торчат броневеты листы! Выходи из боя! – Это был голос Бамэ. Гаусс снова его узнал.

– Откуда бьют, Рой?! – крикнул он.

– Крейсер рядом... – спокойно произнес Бамэ, как будто сообщил о чем-то незначительном.

– Что у вас, Гаусс?! – прорезался сквозь помехи голос генерала Московиц.

Затем включились все аварийные линии внутренней связи. Сразу же последовали сообщения от механиков: тяга двигателей упала на сорок процентов, в трюмах восемь убитых.

– Эй, командир, это Ливингстон! Кларенс и Джибути разлетелись в пыль! Давай уходить, это засада! Над нами крейсера!

С большим запозданием открылись карты, которые собрали три устаревших спутника. Впрочем, тут же один за другим эти спутники были уничтожены.

Скоро связь с рейдерами прервалась, и, что с ними происходило дальше, осталось неизвестным.

После того как связь с рейдерами была прервана, в оперативном зале наступила мертвая тишина.

Московиц безвольно обвисла в кресле, глядя куда-то сквозь демонстрационный экран, словно стараясь воспаленной мыслью дотянуться до Прибрежных Миров.

Само по себе это поражение ничуть не отличалось от тех, что случались и прежде, когда ОАМ выдвигало свои ударные силы, чтобы раздавить «осиное гнездо». По завершении последнего такого похода, пять лет назад, Треугольнику пришлось заново отстраивать станцию «Революшн-П». Он сравнительно легко поднимался из пепла, поскольку его деньги были надежно укрыты в банках Англизонских Миров, равно как и в сотнях других мест.

Банкиры предпочитали чистую прибыль и редко следовали предписаниям своих правил.

Однако сегодня все было по-другому. ОАМ избрало новую тактику, взяв под контроль почти что ничейную зону. Теперь, построив там несколько станций или даже целую военную базу, они могли в кратчайшее время достигать пределов Треугольника.

Что ж, когда-нибудь это должно было произойти. Время безнаказанных пакостей уходило.

Придя к подобному выводу, Московиц окончательно взяла себя в руки. Она попросила у лейтенанта Ля-Роша сигарету и, закурив, сказала:

– Кажется, у вас в запасе есть еще один спутник?

– Так точно, мэм, – подтвердил майор Шанц. – Он будет в районе через три с небольшим часа.

– Вот и хорошо. Возможно, он что-то прояснит для нас... – Московиц помолчала, потом добавила задумчиво: – Ульрих, – она назвала его по имени, – вы как-то показывали мне, как можно связываться со спутниками Новой Каледонии и Деркача. Вы еще раз могли бы влезть в них?

– Да, мэм, но какая здесь логика?

– Может, и никакой, но попробуйте сделать это еще раз.

– Чтобы пробраться к ним, потребуется время, необходимы сложные настройки.

– И тем не менее, майор, сделайте это. А вы, лейтенант, проследите, чтобы дежурство связистов продолжалось в том же чрезвычайном режиме. Возможно, кто-то уцелел и попытается с нами связаться...

– Конечно, мэм, – кивнул Ля-Рош.

– Ну а я пойду к команданте, доложу о наших «успехах», – со вздохом произнесла Московиц и направилась к выходу через весь зал мимо притихших операторов.

Глава 23

То, что в район Прибрежных Миров направляется отряд из ближайшего образования туземцев, генерал Ангерр узнал за два часа до их подхода. Разведчики «Санейка» и «Вурнан» выдвигались вперед и надежно запеленговали подход чужих судов.

В планах генерала было расстрелять противника без спешки, желательнее первыми же залпами, и ни в коем случае не устраивать сражений. В этом урайским судам должна была помочь их совершеннейшая система маскировки. На своих фронтах флот Урайи успешно использовал эту новинку, и у генерала не было оснований что-то менять в своей излюбленной тактике. Однако каково же было его удивление, когда двенадцать рейдеров с ходу открыли огонь по ближайшим к ним разведчикам, и прежде чем Ангерр успел отдать приказ об отходе, и «Санейка», и «Вурнан» были исполосованы лазерами варваров.

Создавалось впечатление, что они прекрасно видят свои цели, поскольку стреляли с рейдеров прицельно. Мало того, эти наглецы пытались даже пойти на abordаж эсминца «Друзелия», однако приказ генерала об открытии огня вовремя пресек это безобразие.

Флагманский крейсер и его близнец наказали нахалов за каких-то семь-восемь минут, однако и это было непозволительной тратой времени, ведь преимущество в силе было весьма значительным, в сотни раз. Маневренность рейдеров противника просто поражала, а их ударные возможности оказались для генерала также полной неожиданностью.

Эти суда не тратили мощности генераторов на накачку множества огневых точек – они акцентировали свое внимание на орудии главного калибра, оттого были опасны и для больших судов.

Даже спустя некоторое время после уничтожения последней цели генерала Ангерра не оставляло беспокойство. Что, если бы сюда пришел крейсер и увидел замаскированные корабли? Или тех же рейдеров прибыла бы целая сотня?

Впрочем, тогда бы он не решился подпускать их так близко. Такой ошибки он бы не совершил.

Однако следовало отправлять отчет. Адмирал Урх должен быть посвящен в подробности столкновения.

Конечно, особых похвал после потери двух разведчиков Ангерр не ожидал, но верховное командование должно было знать, что новая маскировка не так уж безупречна.

– Томлин, нужно составить донесение, – обратился он к своему помощнику, рослому полковнику-янычару, который до формирования их флотской группы служил в частях морской пехоты. Почти все пехотинцы были янычарами, и оттого урайцы им немного завидовали. Руководящая роль коренной нации, несомненно, была важна и почетна, однако янычары выглядели гораздо большими героями.

Как ни старалась пропагандистская машина выровнять акценты, военные журналисты везли с фронтов репортажи только о янычарах.

Кому интересно читать о том, как командовал из своего бункера генерал? Зато прорыв оборонительного кольца противника пилотами штурмовой авиации, а затем высадка на плацдарм морской пехоты – это был самый горячий материал, и он уходил, что называется, с колес.

Со временем все урайцы ввели в моду изменять цвет кожи на лице – от серого к более светлому. А наиболее радикальные модники-урайцы позволяли себе даже румянец.

– Я уже набросал здесь кое-что, сэр, – сообщил полковник, передавая генералу папку. Тот взглянул, поправил несколько слов и вернул папку обратно.

– Мне нравится, Томлин. Отдайте шифровальщикам, и пусть пересылают... Да, и еще...

– Что, сэр?

– Нужно попросить у адмирала авианесущий крейсер. Или даже нет – полновесный авианосец. Если сюда налетит местная «мошकारа», гоняться за ними на крейсерах нам будет несподручно. Как вы считаете?

– Полностью с вами согласен, сэр.

– Ну и отлично. Отправляйте донесение.

Полковник вышел из рубки, а генерал Ангерр невольно проводил его взглядом. Ему бы хотелось иметь такой разворот плеч и такой рост. Однако тела урайцев имели другую конституцию.

Генерал вспомнил, как во время одного из отпусков его жена Хони пожаловалась на сына. Двенадцатилетний мальчик приходил из школы и говорил, что не хочет быть урайцем. Ему нравилось играть с детьми янычар, однако их игры были для мальчугана слишком быстрыми.

«Скоро этим заразятся буквально все, и мы начнем превращаться в этих бледных лягушек», – подумал Ангерр. Правда, одного у урайцев нельзя было отнять. Они были прирожденные интуиты и иногда, полагаясь на свои предчувствия, добивались в этой войне больших успехов. Именно поэтому в штабных отделах оперативного планирования собирались одни только урайцы. Начальником штаба вполне мог быть и янычар, но в военном планировании лучше разбирались урайцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.